

АЛИЯ 90-Х

Оглавление.

ПРОЛОГ	3
БЕЭР-ШЕВА (писатели и мэры)	4
ДОРОГА (Беэр-Шева, пустыня Негев, Иерухам)	5
А - ФОР АЛАБАМА (Иерусалим)	5
ПРОСТИТУТКИ (Тель-Барух)	6
АЭРОПОРТ ЛОД	7
ИЕРУСАЛИМ (Больница "Мисгав лядах")	8
ЗАПАДНАЯ ГАЛИЛЕЯ	9
ЗАПАДНЫЙ БЕРЕГ РЕКИ ИОРДАН	10
ИЕРУСАЛИМ. ТАЛЬПИОТ МИЗРАХ	10
НЕГЕВ	11
АШКЕЛОН (Свадьба)	12
СНОВА АЭРОПОРТ ЛОД	15
КАРМИЭЛЬ	15
ИЕРУСАЛИМ. БОЛЬНИЦА "МИЗГАВ ЛЯДАХ" (Тушинский)	16
ДОРОГА ИЗ АРИЭЛЯ (Я философствую)	19
МИЦПЕ-РАМОН	19
ПУШКИН И ГОГОЛЬ (Гостиница в Нагарии)	20
ТРЮФЕЛЯ	20
БОРИС АБРАМОВИЧ	21
ФОТОГРАФ ЮРА ИЗ РЕХОВОТА	23
ГУШ-ЭЦИОН	23
КРАСАВИЦЫ	24
МИЛЛИОН	24
ТЕАТР "ГЕШЕР"	25

ХИРУРГИЧЕСКАЯ СТРАНИЦА	26
ТЕПЛОВОЙ УДАР	27
КАРМИЭЛЬ	27
ОБЪЕКТИВНОСТЬ	28
РЫНОК "КАРМЕЛЬ" (Тель-Авив)	29
КАРАВАННЫЙ ГОРОДОК (Дорога в Реховот)	30
КАФЕ "А ПРОПО" (Тель-Авив)	31
СЕКТОР ГАЗЫ	32
КИРЬЯТ-ШМОНА	34
ИНСТИТУТ ВАЙЦМАНА	35
АМЕРИКАНЦЫ	37
БЕЭР-ШЕВА	38
ПУТЕВОЙ ДНЕВНИК	39
ЦЭ УШКИ	40

ПРОЛОГ

("алий" называется "восхождение" евреев в Израиль)

Дико тошнило. Я съел в кондитерской "Капульского" два пирожных и запил их тремя литрами пива с маслинами, а сейчас был глубокий вечер, и я сидел в молодежной гостинице в Беэр-Шеве и страдал. Может быть, маслины были средними или они как-нибудь не совмещались с пирожными "Капульского". Нам подавала девочка Оля, которая раньше жила на Гражданке, напротив мебельного магазина. Невероятно - официантка с косой. И ходит, как русская, как с Гражданки. Можно было попробовать выпить три литра и вырвать, но было жалко рвать телятиной на косточках, которую я очень прилично ел, положив салфетку на колени. Как ни в чем не бывало, как будто я всю жизнь ел на косточках.

Уже третий месяц я ездил по Израилю с двумя американскими журналистами. Журнал "Волд энд лайф" заказал им гигантскую статью об эмиграции последних двух лет из Союза. О "горбачевцах". Мои обязанности - перевод, вождение и контакты. Стюарт требует, чтобы я прилипал к такси с эмигрантами, которое везет их из аэропорта, и не упускал его до самого дома. Стюарт любит фотографировать поцелуи. Бухарцы целуются на свету в среднем четыре минуты. Ашкеназийцы целуются двенадцать секунд, потом переходят к рукопожатиям. Когда в феврале в "Волд энд лайф" наконец выйдет статья, это будет чудовищная смесь из ашкеназийских интервью и бухарских поцелуев.

Я хочу написать путеводитель по Израилю, но тут есть несколько подводных камней. Во-первых, я должен написать свой путеводитель раньше Тушинского, чтобы империя "Волд энд лайф" не имела ко мне никаких претензий. Тем более что они уже три месяца оплачивают мне телятину на косточках. Кроме того, в последний месяц со мной произошло очень неприятное событие: меня официально не признали сионистским прозаиком. Известный писатель-сионист Маркиш и главный редактор издательства "Свет Сиона" Маргарита Семеновна выбросили меня из уже готового сборника, не объяснив при этом, выкидывают ли они меня по недостатку писательских достоинств, по недостатку сионистских достоинств или по комбинации первого и второго. Поэтому мне ясно, что, как ни старайся, но мой путеводитель официально никто одобрить не может, тем более что он написан на русском языке и без фотографий. Сам я собираюсь дожидаться февральского номера "Волд энд лайф" и вырезать фотографии оттуда. Каждая фотография Стюарта стоит тридцать тысяч долларов. Текст Тушинского будет стоить около пятидесяти. Стюарт говорит, что Тушинский просто пишет текст к его фотографиям, а Тушинский довольно небрежно называет Стюарта "мой фотограф". А я выслушиваю оба мнения и жду, когда же эта попытка кончится.

БЕЭР-ШЕВА (писатели и мэры)

Невероятная тоска в Беэр-Шеве. Единственная знакомая женского пола, которая у меня была в этом городе, приехала из Вильнюса. А второй муж моей четвертой жены тоже был из Вильнюса, и не самого факта измены, а именно этого злосчастного Вильнюса жена никогда бы мне не простила. Дался ей этот Вильнюс!

Молодежная гостиница — это центр порнобизнеса. Писать в номере темно. Для прозы темно. Тушинский спит у себя в номере, а я мучительно пытаюсь подумать о чем-нибудь, что не имеет отношения к порнобизнесу. Тушинский - американский "жэзээловец". Тушинский говорит, что кроме поэзии, все пишется прозой, но я с ним не соглашаюсь. Он пишет книгу о Шопене. Говорит, что пишет целыми ночами, но врёт. Днем жарко, а по вечерам он ходит на званые вечера с министрами, а потом спит. Один раз я заложил его записи о Шопене хлебной крошкой, и уже две недели она лежит нетронутой. Только основательно засохла. Но это моя тайна. В остальном я верю людям. Нельзя не верить. Я встречался с городничими четырнадцати израильских городов — это очень укрепляет веру в людей. Большинство из них - маленькие откормленные марокканцы, половина вообще не очень грамотные. Поэт Шура Верник говорит, что слова "марокканцы" и "румыны" употреблять нельзя. А "французы" - можно. Иначе прослывешь антисемитом. Но я не антисемит, меня просто тошнит. Лежа тошнит, а стоя дико хочется спать. Какой-то химический эффект от пива с пирожными. И после Ерофеева тошноту упоминать совершенно нельзя. Сволочь Ерофеев поставил крест на этой теме и в довершение всего перед смертью стал католиком. Так прокатился по этой тошноте, что теперь ее нужно выжигать из любого текста каленым пером. Мэр Беэр-Шевы оказался вовсе не румыном. Он из Египта. У мэра очень черные волосы на затылке, а спереди два белых кустика. Хочет побольше оливок. Что-то такое есть у Хармса: "Лев Толстой очень любил детей! Набьется их в избу так, что уже нечем дышать, падают от нехватки кислорода, а он стоит на пороге и кричит "еще!". Мэр Беэр-Шевы хочет по две тысячи оливок в месяц. Может быть, даже больше. Для них уже построена отгороженная деревня белых караванов, скоро должны въезжать. Нормальные люди там долго не останутся: в первый момент, конечно, крыша над головой, но все, кто посильнее, - уедут. Останутся старики, больные и те, кто пьет и колется. Это теория. Каждый мэр в каждом новом городе говорит нам одну и ту же фразу, что дольше всего держится то, что задумано временным. Караваны задуманы временными.

Мэр Беэр-Шевы, вероятно, не жулик. Я сначала думал, что жулик. По внешнему виду. Но Тушинский сказал мне, что мэр раньше ворочал какими-то громадными сионистскими фондами, то есть внешний вид может оказаться обманчивым. И вот теперь он стоит на пороге города и кричит, что он хочет "еще две тысячи!". Беэр-Шева - очень левый город. Мы оказались там в день праздника отрядов "Пальмаха", и на горе в присутствии всей общественности

сожгли, как ведьму, надпись из веточек: "Пятьдесят лет "Пальмаху". Надпись долго не загоралась. Так в Грузии жгут плакаты с надписями "Слава КПСС". Левый активист прибыл на эту гору с толпой олимпов из Минска. Женщины все в креп-жоржетовых платьях. Два орденоносца. Жуткое количество медалей. Тушинский сказал: "Вот идут Брежнев и Рокоссовский". Тушинский был знаком со всеми братьями Кеннеди и Артуром Миллером, с Миттераном и с Чан-Кайши. Он родился в Польше, но просит меня особенно об этом не трепаться. Русских эмигрантов он называет "культурникс". Еще он знает наизусть обрывки каких-то бессмысленных русских стихотворений и неожиданно говорит с сильным акцентом что-нибудь вроде "кто родился в январе, вставай, вставай, вставай!". Абсолютная жизненная ловушка - тебя не признали израильским прозаиком, единственная женщина, которой хочется позвонить, оказывается из Вильнюса, и нельзя тошнить.

ДОРОГА (Беэр-Шева, пустыня Негев, Иерухам)

В Негеве кафе при бензоколонке. Посуду моет фельдшер с "Большого Сто" - это Институт скорой помощи. Им заведовал профессор Джанелидзе. Он ходил по утрам по палатам и проверял пыль на окнах белоснежным носовым платком. Там работало много сильных военных хирургов - в Израиле таких хирургов нет. Директор больницы "Сорока" сказал, что врачи из СССР - это потерянное поколение врачей, и отвернулся. Это типично для большинства израильтян: они не вполне уверены в себе и боятся, что пожатие лишней руки может уронить их престиж. Директор больницы "Сорока" - это обычный примитивный израильтянин - "индекс 200", но, видимо, он прав: врачи из СССР в основном потеряны для западной медицины. Впрочем, известный факт, что любой сегодняшний девятиклассник знает намного больше, чем Ньютон. Но это не меняет масштаба людей. Западная медицина предельно бездуховна - она лечит не человека, а "проблему". Переучиваться на израильского врача - то же самое, что переучиваться на израильского писателя или на израильского художника.

В Иерухаме у киоска стоит парочка людей с Мичуринского. Я плохо помню этот район. Это там, где "корабелка", за мечетью. Теперь мы тут все за "мечетью".

А - ФОР АЛАБАМА (Иерусалим)

Два часа до шабата в ультрарелигиозной Геуле. Оперная певица из Куйбышева говорит Тушинскому, что дошло до того, что евреи в Куйбышеве не знают "Шма, Исраэль" и не могут, соответственно, спокойно умереть. И Самуил Тушинский, самый опытный журналист "Волд энд лайф" спрашивает хозяйку: "Сорри, чего они не знают?" Ему отвечают: "Шма, Исраэль"!! Тушинский говорит: "А вы не могли бы мне продиктовать по буквам?" Хозяева растерянно переглядываются, но все-таки начинают диктовать. Shma: эс фор сан, ейч - фор

хани, эм - фор Москоу, а - фор Алабама. Тушинский еще для точности переписал себе в блокнот.

Мое отношение к "Волд энд лайф" - это вариант услуг, которые предоставляются в публичном доме. Дешевле всего нанять даму. Чуть дороже - следить в глазок за парой. Еще дороже - следить за тем, кто следит. Разница между мной и Стюартом с Тушинским в том, что они серьезно относятся к своему творчеству, к Америке и к своей империи "Волд энд лайф", я же стараюсь, но ни к чему не могу серьезно отнестись.

ПРОСТИТУТКИ (Тель-Барух)

Стюарт решает сфотографировать русских проституток. Долго ездим между холмами. Видимо, это городская свалка или какие-то дюны за электростанцией, которые еще не освоены. Во время войны здесь стояли американские ракетные батареи. Навстречу идет сплошной поток машин с мужчинами. Кажется, что все израильтяне ищут для "Волд энд лайф" русских проституток. Школьных учительниц из Магнитогорска, которые бросили свое основное занятие зоологией и начали зарабатывать себе на квартиру, чтобы взять у Щаранского фонд Гросса. Но их нет. Или они уже все заработали, или их увезли во время хасидской облавы. Я веду стюартовское "мицубиши", а он сидит наготове со вспышкой.

В темноте стоят две пожилые женщины и говорят о своем. Тень на дюнах от дальних фар. Какой-то Булонский лес! Если бы это не было такой отдаленной свалкой. Почему они не работают в массажном кабинете? Как же им не страшно стоять в темноте среди дюн? Две постаревшие Ассолы - как они сюда добираются, на такси? Так вот садятся в такси и говорят: "Нам до дюн"? Или у них тут зарыты велосипеды? Дорого бы я дал, чтобы послушать их разговор о принцах! Это еще интереснее, чем интервью "Коль Исраэль" на русском языке. Давно ли они стоят тут за Тель-Авивом, за этим "холмом весны"?! О чем они могут говорить в такой темноте? Какие дела их таинственного профсоюза замерли на темных губах?! Это преступление - уезжать, оставляя их одних! Может быть, они могли бы исправиться. Ведь они в конце концов еврейки! Но даже если гойки, то Израиль дал им визу или вид на жительство, а министерство иностранных дел зря виз на ветер не бросает! Но они очень старые. Они тут давно стоят. Их забыли. Им платили еще в турецких лирах и в английских фунтах. Они простояли здесь всю Синайскую кампанию. Мужчины, где вы?! Когда американский шестой флот после своей легендарной победы в Ираке, от которой еще никому не опомниться, особенно курдам, бросил свой якорь в Хайфе, то бросили ли вы свои родные холмы и полетели, как припортовые царевны, в объятия чернокожих десантников?! Были ли вы верны своему профессиональному долгу, или вы обуздали свою жажду валюты и, как Ленка Пантелеев, под честное слово стоите здесь? Сколько волн эмиграции, девочки, вы уже пережили? Может быть, вы -одноклассницы легендарной кибуцницы

Мани, которая в тридцать четвертом году бесстрашно резала на дорогах арабов! Есть что порассказать этим немолодым женщинам в декольтированных платьях, но только они не говорят по-русски - они не из Магнитогорска. Они даже слова такого не слышали. "Накося-выкуси", мистер Стюарт! Может быть, они обе - старые американки и обсуждают издательство своих мемуаров в Иерусалимском издательстве "Свет Сиона", я могу замолвить за них словечко перед Маргаритой Семеновной! Я чувствую, что они сионистки! Не сионистки не могли бы в этих холмах так естественно держаться, как две газели. Как две художницы на природе из Кирьят-Шмона! Может быть, тот, кто рисовал на скифских вазах, тоже был проституткой?! Кого интересует моральный облик скифских художниц?! Мне интересно другое: все-таки на дворе уже давно ночь, во сколько мы доберемся сегодня до Иерусалима?

АЭРОПОРТ ЛОД

Министр религии Шаки. Мелкий профсоюзный работник или председатель больничной кассы. Зал олим в аэропорту. Министр раздает детям сухофрукты. За ним ходит прилипала. Министр выступает с краткой бессвязной речью. Трудно себе представить, что этому человеку известна идея Бога, хотя он несколько раз ссылается на него в своей речи. Предлагает бухарцам пакеты с черносливом. Неожиданно бухарский мальчик ставит его в тупик, показывая, что один пакет сухофруктов ему уже вручили. Министр думает около минуты, прилипалы нервничают и что-то ему шепчут. Потом видно, что он нашел выход из положения. Видна партийная выучка. Он говорит мальчику: "Держи еще один пакет сухофруктов", - и лицо его озаряется улыбкой счастья. Уносится, очень собой довольный. На чемодане засыпает небритый пожилой человек, который кончил войну майором в Праге. Группа телеоператоров из Америки пытается объясниться с врачом из Душанбе, который еще не понимает, что его ждет. На них выскакивает из своего бункера начальник отдела абсорбции кривоногий Зустерман. Зустерман патологически не выносит репортеров. Я думаю, что после упоминания его имени мне никогда больше не получить пропуск в зал новых эмигрантов, куда прибывают врачи из Душанбе. Мне вообще будет не попасть в здание аэропорта. Не улететь. Я буду прикован к Израилю, как Прометей. В лучшем случае я смогу уехать морем или на ослике через Египет. Личного имени у Зустермана не существует. Просто - "Зустерман"! Он уже тысячелетия на этом посту. Он был соратником царя Саула, он помнит Бен-Гуриона, который сначала пас овец, а теперь изображен на сотнях. Зустерман - это символ абсорбции. Все официальные деятели, к которым обращается "Ворлд энд Лайф" по поводу Зустермана, поднимают лица к небу и болезненно морщатся. Это стихия. Нет нормальных кресел для старух. Они сидят на тележках для багажа или на тюках. Много породистых собак. Подскуливают - им уже третий аэропорт подряд не дают помочиться. Щенки устраивают лужи. Цветные телевизоры, завернутые в тряпки. Таможенные чиновники

сладоострастно вылавливают эти телевизоры и заставляют немедленно платить пошлину, то есть сразу выложить треть суммы, которая выдается на съем квартиры. "Всем, кто прибыл, двигать тележку!" - кричит представитель министерства абсорбции в неизменных полосатых брюках. От этого крика у меня стынет кровь.

ИЕРУСАЛИМ (Больница "Мисгав ладах")

Обрезают двадцать восемь человек из Кирьят-Малахи. Я веду свой репортаж, как Вадим Синявский. Мальчик съел в автобусе персик. С картины Перова. Поэтому обрезать нельзя. Потому что во время обрезания персик может попасть в легкие. "Мамочка, вам плохо? Сядьте!" Где-то я уже это слышал. В коридоре призывники ждут своей очереди и показывают приемы карате. Эфиопская девушка развозит их по койкам. Пьют два раввина из Кирьят-Малахи. Говорят - "мухан". Готов! Они начинают выпивать с тем, кто "мухан". Я считаю себя популяризатором обрезания. "Обрежьте крайнюю плоть сердца вашего", - советует во Второзаконии Моисей, десятая глава, но сердце в другом отделении. Мальчик плачет и орет: "Очень больно!" "Мама, - скулит он, - хорошо тебе, это не тебя обрезали!" Бабка в парике из обрезального сервиса принесла ему религиозную книгу с золотым тиснением и карту Израиля, но он все равно плачет. Мальчику девять лет. Пришел русский раввин с длинными пейсами и в чулках. Что-то выдающееся. Называет всех героями. Меняет всем имена. Спрашивает, почему ты должен иметь имя гоя?! Это резонно. Бабка в парике тоже хочет попасть в кадр. Мальчик с картой и книжкой; все еще плачет: "Ой, ой, мне больно тут..." Пришел новый мозель. Бабка, которая хотела попасть в кадр, ушла. Ей на смену пришла такая же. Может быть, они сестры? Обе небритые, но от париков пышет жаром небес. Новая принесла свой торт и всем его скормливает. Я тоже съел кусочек, но я отказываюсь воспринимать торт как аванс! Я не продаюсь за бисквитные тортики. Привезли парня, который показывал Стюарту японские приемы. Он очень доволен, говорит: "Ничего, нормально". Директор больницы разрешил Стюарту снимать, только если он где-нибудь, хотя бы самыми маленькими буквами, упомянет название больницы. Но Стюарту нельзя никого рекламировать, я же делаю это от самого чистого сердца, даже три раза подряд: Мисгав ладах, Мисгав ладах, Мисгав ладах! Привезли еще одного Маресьева, которого зовут Гена. Куча Ген. Ему предлагают переименоваться в Гада, но Гена не хочет. Говорит, что его будут дразнить. Его переименовывают в Габриэля. При мне происходят переговоры о следующих сеансах. Скоро обрежут всех, я ищу себя в списках. Завтра привезут двадцать пять человек из Назарета. "Из Назарета может ли быть что-то доброе?" Сколько детей? Неизвестно. Обрезальная заявка прислана по факсу без уточнений. В зале оживление. Появилось несколько свежих хасидов на замену. Выражение лиц, как при подготовке к Судному дню на иерусалимском рынке. Из операционной выбегают накачанные ребята в зеленых хирургических

пижамах, вязаных кипах и с неожиданными для хирургической формы кисточками "цицитов". В операционный зал я решил не входить: "Ворлд энд Лайф" не интересуется половыми актами и деталями циркумцизий. Раввины и хирурги топчутся в центре палаты. Дети на койках орут, заражая друг друга криком. Стюарта просят пока не снимать, говоря, что так бывает, но "это не типично". У мальчика из Сдерота от плача дрожат губы. Новая бригада хасидов пытается всем накрутить пейсы. Прибежал бывший математик-раввин, ассистент академика Чеботарева. Стюарт смотрит на него с восторгом и говорит, что "этот парень выпил уже двенадцать стаканчиков", и еще что-то по-английски, соответствующее слову "назюсюкался". Я возражаю, что такого не может быть. Люди привычные. Конечно, если приедет миллион, то можно профессионально спиться. Или нужно, чтобы евреев приезжало поменьше, и над этим работает министр абсорбции, или нужно чаще менять хасидов. Организовано все прекрасно: академик Чеботарев ойкнуть бы не успел, как уже оказался бы на койке. Я сам старый абортмейстер, но впечатлен! Стюарт продолжает без страха и упрека щелкать камерой. С опозданием принесли треугольные бутерброды из аэропорта. Кажется, их тоже готовит Зустерман. Я понял, чем он занимается, когда прячется от людей в лабиринтах аэропорта: он готовит эти невкусные бутерброды со слабой тенью тунца в маринаде. Остаток он передает в этот роддом. Можно все упростить и начинать обрезать прямо в аэропорту. И пусть это тоже делает Зустерман. Не нужно будет по всей стране гонять фургоны с бутербродами. Кроме треугольного бутерброда за обрезание выдают еще огурец, помидор и два персика. То, что это делается после обрезания, исключает момент подкупа. Рав Бильдер говорит, что сейчас очень святой момент, он ходит в обнимку с моэлем, называет его Семкой, говорит, что Семка был у них профоргом. Может быть, в полку? Моэль просит Стюарта фотографии орущего мальчика никуда не посылать, а то их можно использовать "против нас". Стюарт надувается негодованием, как индейский петух. "Кто вы такой, - высокомерно спрашивает он, - чтобы учить меня, куда мне следует посылать фотографии?! Я профессионал!" Но Стюарту понравились хасиды, он называет их "веселые ребята". Профорг говорит: "Ребята, с вас два раза по пол-литра!" Это он поздравляет отца и сына из Житомира. "Кто еще не получал листочки с инструкцией, как себя вести и как ухаживать за этим местечком?" "За этим местечком"! Какое счастье, что не обрезают женщин! "В первые дни, говорят, побаливает, но этого не нужно бояться. Бывает даже припухлость, но из практики вам скажу, что все должно зажить естественным путем..." Выговорив эти таинственные слова, раввин удалился восвояси, а я пошел записывать Тушинского на прием к директору больницы.

ЗАПАДНАЯ ГАЛИЛЕЯ

Мы в кибуце "Ханита". Моше Даян в боях за этот кибуц потерял глаз. Мы видели его в кибуцном музее. Две надписи в кибуце на русском языке:

"Мужчины, кто хочет купить презервативы, обращаться к Мане на ужине" и еще - "Кто хочет купить презервативы, обращаться в контору. Дешевле, чем в городе!" Очень крепкий кибуц. Моше Даян на фотографиях молодой, кудрявый, улыбается в полный рот и двумя глазами. На скамейке перед кибуцной столовой сидит дряхлый старичок. Вот он наверняка помнит, обращался ли Моше Даян к Мане на ужине, но я не решаюсь спросить.

ЗАПАДНЫЙ БЕРЕГ РЕКИ ИОРДАН

Решения ООН являются для Стюарта высшим законом. Если завтра штат Нью-Йорк объявят Западным берегом Иордана, то это будет для него самой неоспоримой истиной. Стюарт очень не любит Израиль, а Тушинский любит его на уровне министров. Он любит ужинать с Тедди Колеками. Вместе Стюарт и Тушинский создадут прекрасную статью для "Волд энд лайф"! Но Тушинский - это ленивый барин, а Стюарт влюбляется в людей и с горящими глазами изводит на них километры фотопленки. Каждый день ему заново мерещится, что ничего хорошего больше снять не сможет. Ему все время необходимо действие, действие - "экшн". Стюарт говорит мне грустно: "Каждый день в газетах статьи о самоубийствах олимов! Неужели ты для меня ничего не можешь придумать?!" Он очень выматывается и в машине сразу засыпает, а просыпаясь, начинает скандалить, что мы едем не самым коротким путем. Еще раз он сорвется - все брошу. Выйду посреди дороги, брошу ему в рожу ключи и буду на попутках добираться до Иерусалима.

ИЕРУСАЛИМ. ТАЛЬПИОТ МИЗРАХ

Бывшая квартира Меира Кахане. Спальня. Сидя на матрасе, смотрю в окно. Страшная картина! Кажется, что вся страна перенаселена арабами. Я был во многих израильских квартирах и на многих израильских холмах, но такой густоты я практически нигде не видел. Какие-то потемкинские деревни арабов! Я не понимаю, зачем им нужно было строить столько домов! В этом не могло быть никакого реального смысла, кроме желания досадить покойнику. Одна только гора Ирода Великого казалась из этой спальни пустой! Резервные бачки на крышах на ржавых ногах, как солдаты неведомой космической армии, создавали тревожное предвоенное ощущение. И конечно, это сочетание гуманоидных бачков из войны миров с густонаселенными холмами могло как угодно подействовать на человека с неустойчивой психикой. Могло быть еще и похуже! В квартире жили четыре милых семьи из Свердловска, и я бы рекомендовал им вообще никогда не смотреть в окна, чтобы не подвергать себя антиарабскому стрессу. По утрам палестинские призовые петухи, и муэдзины, и горы диких арабов начинали копошиться, и уроженцу Нью-Йорка это никак понравиться не могло. Он вообще мог не любить куриц, он вам не Шолохов, он с пятой авеню! Если бы его поселили возле куриного кибуца, то тоже непонятно,

чем бы все кончилось! Это еще большая удача, что на глаза попались арабы! Из гостиной тоже виден сплошной Дамаск, а из кухни совсем ничего не видно, потому что там нет окна. На кухне за столом сидит изумительной красоты блондинка, но я с ужасом думаю, что она может быть нееврейкой! Кахане оговорил в завещании условие, что квартира должна сдаваться не дороже пятисот долларов, что с его стороны было исключительным благородством! Но про русских красавиц по маме он ничего завещать не успел. Вот так помрешь, и твою квартиру, в которой я каждый вечер в темноте рою подвал, сдадут каким-нибудь гоям по папе и по маме! И вся жизнь и все идеалы пошли насмарку. Бедный Меир! Собственно с пола, с матраса видны одни бачки, но стоит встать! Стоит приподнять голову, чтоб нахлобучить хасидскую шляпу - и моментально оказываешься в Сирии! На стенах ничего нет - никаких антиарабских надписей - наверное, побелили!

НЕГЕВ

Ферма министра Шарона и несколько сараев для учащихся эмигрантов обоих полов. Но в голове у меня происходит сдвиг, и я навсегда запоминаю, что мы посетили сераль известного танкового генерала, которому достался портфель министра строительства. Тушинский спрашивает меня, знаю ли я, что Шарон в свое время получил странную ссуду в два миллиона долларов на покупку этой фермы. Я знаю. Теперь у доброго министра на земле стоит несколько вагончиков для русских студенток. Вагончики со студентками из Житомира стоят буквой "П". По краям - стога снега. Навстречу выезжает охрана с антеннами, гамаки. Барин Лев Николаевич в отъезде. Я начинаю сосредоточенно размышлять о настоящем Льве Толстом. Толстой, как наш фотограф Стюарт, был бы в Израиле страстным любителем мусульман и справедливости. Это страшное сочетание. Он бы тут все раздал арабам. Впрочем, может быть и наоборот: он бы их ненавидел за то, что арабы пахнут, и постоянно бы их передразнивал. Говорил бы "курлы-мурлы". Граф принадлежал бы к самой правой израильской партии. Был бы с "Ликудом". Я вообще считаю, что Толстой - еврей: иначе никому в голову не придет назвать русского писателя Лево́й, и герои у него тоже все Илюши! У него тоже ручки были бы в пушку, рядом с шароновской, неизвестно откуда, стояла бы еще одна ферма, и тоже три вагончика с дородными студентками. И тут я вдруг ясно понимаю, что Толстой скоро с ужасом для себя обнаружит, что хотя он тоже начинал артиллерийским офицером, но говорить с генерал-лейтенантом Шароном ему совершенно не о чем. И капитана Тушина с него особенно не попишешь! С шароновской мамашей из Витебска он бы еще покалякал, а с самим Шароном - только здрасьте, зрев тов, ма нишма и все. И немота. Он, который написал не меньше Чарлза Диккенса, который как равного ненавидел Шекспира, - и впервые в жизни "импособиле", такой конфуз! Правда, анафеме его бы тут никто не предал. И вместо "Воскресения" он написал бы "Субботу". И "Пятницу"! А по

воскресеньям носился бы как угорелый по сеновалам. А бедная доверчивая Софья Андреевна носила бы студенткам пожрать - хумусы, фалафели и всякую подобную дребедень. И следила бы, чтобы девчонки не отвлекали графа от философских раздумий. Эти три графских вагончика и ферма, которая сегодня оценивается в четыре миллиона, - прекрасная реклама для партии "Ликуд". Я взял из скирды несколько соломинок и поковырял ими в зубах - одна соломинка до сих пор хранится у меня на полке. Я обожаю такие реликвии.

АШКЕЛОН (Свадьба)

Ему три тысячи лет. Это самый филистимский город Средиземноморья. Похожий дух сохранился только на Кипре. Лезут незримые филистимские корни. В Ашкелоне все фидастимское: филистимские кафе, филистимский магазин лифчиков. Только серые бетонные коробки масти крысиных королей напоминают о сегодняшнем дне.

Передо мной висит девятнадцать свадебных платьев. Я в первый раз в таком магазине. Я начинаю еще глубже чувствовать царя Соломона. Стюарт оборачивается ко мне и говорит, что невеста в каком-то смысле красавица, во всяком случае, она милая. И я сразу с ним соглашаюсь. Четыре часа проводим в салоне красоты возле рынка. Толстый грузин продает булавки, резинки и бритвы. Бормочет: "Русский народ, денег нету, клянусь мамой, денег нету". Жених все не едет, и невеста выглядит очень беззащитной.

Наконец приехал жених в потертых джинсах, но я не был уверен до конца, что это жених. Невеста хмыкнула и обронила по-русски, что она тоже его не узнала. Через несколько минут все должно было проясниться. Тем временем я нашел для дяди Стюарта еще три свадьбы в свадебных грузинских заведениях. Меня провели в помпезные царские палаты, отделанные бронзой и дутым золотом. Вообще, свадебные салоны в Ашкелоне - это чрезвычайно популярные места. Туда заходят сотни конторских девиц, праздных солдаток, школьниц. Большинство заходит просто полюбоваться на невест. В свадебных залах роскошь такая неправдоподобная, что никакой будущей брачной жизнью эти бронзовые надежды оправдаться не в состоянии. У жениха и невесты был основной общий язык - румынский, но невеста волновалась и почему-то румынским не пользовалась. Она разговаривала по-русски и на иврите, да и то только с фотографом. Стюарт снимал внутри салона, я слонялся вокруг базара с его сумкой и приставал к новым эмигрантам. Гордому инженеру из Воркуты я нашел еще одного горного инженера из Воркуты и обменял их телефонами. Первый жил на севере в Кирьят-Шмоне, но он не дал мне своей фамилии, потому что давно жил на свете и понимал, что ничего хорошего из давания своей фамилии произойти не может. Он и так уже отчаялся найти работу и подумывал о Южной Африке. И я сразу рассказал ему дежурную историю о том, что в Претории людей сжигают в автопокрышках и Южная Африка - не очень надежное место для людей, которые хотят от жизни покоя. А второй горный

инженер еще ни о чем не подумывал, потому что приехал из Союза два дня назад, видимо, не знал, что в Ашкелоне нет гор, и пока покупал на базаре набор красных тефлоновых сковородок.

Еще я успел выбрать для себя два килограмма очень кислых яблок, не хуже антоновки, и познакомился на площади с двумя грузинами из Кутаиси. Они недавно приехали насовсем, но уже хотели уезжать, но тоже сначала решили пожениться, и, опасаясь этого, за ними следом ходили две пожилые мамы. В Ашкелоне так жарко, что о женитьбе в прямом смысле мне приходилось думать с содроганием, поэтому белая снежная гималайская униформа невесты была очень уместной. Хотелось в этих снегах зарыться, задохнуться насмерть и никогда уже больше в эту филистимскую жару не всплывать.

Жених оказался не женихом, потому что пришел еще один жених, а первый жених в джинсах оказался его родным братом. Настоящий жених пришел в сером костюме, и с ним невеста поцеловалась уже по-настоящему, а не только подставила щеку. Главное, что невесту пора было куда-то уводить, чтобы она не сомлела. Я очень обрадовался, что жених оказался намного симпатичней, чем тот, который не жених, и очень толстый, и мне нравилось, что он такой толстый, и невесте тоже это нравилось. Фотограф повел их к каким-то колоннам, к которым в таких случаях в Ашкелоне водят невест. На берегу стояло несколько больших и малых римских колонн. Надпись гласила, что мы находимся в городе, который раньше принадлежал пяти филистимским принцам, а еще выше была целая лужайка этих столбов, и жених с невестой стали на ней резвиться, а два фотографа - по очереди подносить к их носам фотоэкспонометры и что-то про себя бормотать. Я бы тоже пригласил на такую лужайку свою невесту, хоть непонятно, какой дуре могло бы прийти в голову принять от меня подобное предложение. В конце концов, жених посадил свою невесту Валентину на обрубленный столб, а на соседнем столбе уселась ворона и начала грустно и противно каркать. Солнце опустилось, и свет стал мягче. Я завидовал этим фигурам на лужайке, муравьям на камнях, земле, самому солнцу, шуму Средиземного моря, в которое опять из Индийского океана в пустых танкерах навезли много медуз, которые дико жалились, и одна даже ужалила меня несколько лет назад на море во время морского полового акта. И море, несомненно, было более динамичной лужайкой для съемки женихов и невест, тем более что если эти медузы не жалились сами, то они оставляли за собой целые флотилии своей дочерней слюны, которая в свою очередь жглась, как крапива, так что в последние годы я купался только в носках и белых парусиновых брюках. И вот этому миру, в котором купаются в брюках, я думал, что не будет конца, но тут меня цапнул за палец большой рыжий филистимский муравей, и я понял, что я ошибаюсь. Против муравьев у меня еще не было разработано никаких систем, но против медуз из Индийского океана можно было привезти их естественных врагов - осьминогов! И осьминоги смогли бы вокруг Израиля беспрепятственно размножаться, а заодно уничтожить медуз. А потом уже стоило подумать, как осьминогов отсюда выдворить. Для решения

этих вопросов в Израиль приехало много мощных социалистических умов, много химиков и бывших сталеваров, ядерных физиков и других специалистов по бытовой экологии, которые не только смогут решить проблему медуз в Средиземном море, но и вообще очень скоро превратить Израиль в ультрасовременное промышленное государство, из которого они уехали.

Два фотографа выстраивались в ряд друг за другом и снимали, как каждый из них снимает жениха и невесту, а потом сам жених взял фотоаппарат и стал фотографировать невесту с фотографом, чему Стюарт несказанно удивился и даже покачал головой. Было еще много математических перестановок, которые могли произойти во время этих съемок. Например, невеста снимает двух фотографов, или фотограф снимает жениха с другим фотографом, но я запутался и перестал считать варианты. Невеста вела себя ужасно мило, и мне казалось, что это действительно лучший день в ее жизни, и сколько народу снимает ее в ряд, и они даже на землю садились очень мило и очень молча, потому что по-русски все равно говорить не было с кем. Стоило бы узнать, как же эти колонны ухитрились упасть от времени, а часть из них вообще стояла вниз головой, пережив много поколений эллинов и римлян, много поколений рыжих муравьев и много поколений невест. Но меня как исследователя скорее занимала судьба невестинского халатика, в котором она приехала в салон красоты. Оттуда она вышла уже в свадебном платье, но ни у нее, ни у ее подружки в руках никаких свертков не было! То есть, может быть, эти бывшие халатики после свадьбы оставляли в магазине, чтобы было что надеть, если свадьба не совсем удастся, и эти золушкины наряды придется возвращать. Новобрачные были не из Ашкелона, и никто не стал бы мотаться сто километров специально из-за халатика. Но тогда в этом салоне красоты могло скопиться невероятное количество халатиков, и мысль об этом меня отвлекала. Еще меня раздражало, что я уже несколько недель не мог отвязаться от периодов Пруста у себя в голове: я читал "Содом и Гоморру", и мне казалось, что роман был для Пруста сыроватым, и держать его в руках у Пруста не хватало его обычной энергии, и не очень нравилась сама нагнетаемая тема, из-за которой от нормальных людей ждешь уже чего угодно, и если бы сегодняшние снимки делал Пруст, то рано или поздно два фотографа стали бы целоваться под деревом, шокируя совет директоров "Волд энд лайф", для которого Стюарт снимал пленку за пленкой. Но в практической жизни я ни с чем подобным не сталкивался, а у фотографов мысли о поцелуях даже с невестой в таком неслыханном пекле возникнуть не могли, и если они и принимали в расчет невесту, то, в лучшем случае, в самом невинном, экспозиционном плане. Диковинным мне казалось еще то, что место, на котором мы находились, было тем самым предательским местом, где Далила сдала Самсона филистимским князьям, и я бы вообще сюда никаких невест не возил.

От греха подальше.

Тысячелетние вороны, которые повидали здесь уже много свадебных церемоний, относились к этому занятию с совершенным презрением, а старший ворон просто цинично отвернулся и стал расклеивать пакет со школьным

завтраком. Когда-нибудь я тоже стану таким, как он.

За час до свадьбы мы вернулись домой, и жених разрешил мне посреди квартиры принять холодный душ, но до самого праздничного стола я так и не добрался. Я голодный заснул в машине и помню только, что подвыпивший Стюарт растолкал меня около полуночи и сказал, что мы можем возвращаться.

СНОВА АЭРОПОРТ ЛОД

Стюарт снимает орденосцев в папах и черкесках. Во время войны он наснимал тут столько эмигрантов в противогазах, что снимков хватит на все будущие химические войны. И все прошлые, начиная с битвы на Сомме. Из каждой тысячи кадров, которые делает Стюарт, "Волд энд лайф" выберет только один. А всего в статье будет пять его фотографий. Снова приближается Зустерман. Стюарт не выносит Зустермана, а Зустерман не разрешает ему фотографировать. Стюарт говорит, что нормальный интеллигентный человек, увидев этого психованного кривоногого идиота, должен сразу все понять и отсюда уехать. А я объясняю Стюарту, что теоретически он, конечно, прав, но сначала как-то замешкаешься, а потом обнаруживаешь, что все равно некуда возвращаться. Зустерман прячется за столбами, а потом с криком выскакивает из засады. Это первое, с чем в Израиле сталкивается каждый эмигрант. Семья из Минска с больным ребенком рассказала мне, что их послали из аэропорта в дорогую иерусалимскую гостиницу, откуда они сбежали через два дня. Это им стоило две тысячи шекелей. Треть всех наличных денег. Они просили в самую дешевую. Посылал их из аэропорта молоденький мальчик лет двадцати четырех. Наверное, это тоже Зустерман. Все, кто работает в министерстве абсорбции, - Зустерманы, других я не видел. Незустерманы там не приживаются.

КАРМИЭЛЬ

Семья в Кармиэле привезла из Союза урну с пеплом единственного сына. Урна стоит в салоне на книжном шкафу. Стюарт повертелся вокруг шкафа, но так ничего и не придумал. Хасиды согласны похоронить прах за две тысячи шекелей. Даже, может быть, за тысячу восемьсот, а дешевле - нет! Потому что нет точных доказательств, что этот сын был евреем. А если он и был евреем, то нельзя было сжигать! Поэтому дешевле похоронить невозможно. И теперь не доказать, был ли сын обрезан и было ли у него еврейское имя. Главный раввин Кармиэля почти святой, но даже он не может похоронить дешевле, тем более не зная точного имени. Стюарт им говорит: "Возьмите пепел и развейте по ветру или похороните под сосной!", но они говорят, что "так нельзя"...

ИЕРУСАЛИМ. БОЛЬНИЦА "МИЗГАВ ЛЯДАХ" (Тушинский)

Обычный жаркий день в Иерусалиме. Пробки, не припарковаться. Стюарт едет с нами, но никаких интервью - он хочет только снимать. Стюарт вообще не верит в Библию. Он не верит, что Пять Книг Моисея написал Моисей. Он сразу начинает орать "какой еще Моисей!". Ему страшно поверить в священность текста из-за будничности самого процесса письма. Но если верить в историю, говорит Стюарт, то сейчас великолепный исторический момент, когда Великий автор Великого журнала идет на встречу с человеком, заведующим обрезанием целого народа. Я, наоборот, не готов сегодня к историческим событиям. Сколько исторических событий может уместиться в одну человеческую неделю? Но я верю в дело, которому ты служишь. И поэтому я снова тут! В этих стенах я чувствую себя, как эфиопский юноша, которого в позапрошлом году хасиды решили обрезать по второму разу, потому что первый был недостаточно "кошерным".

Главный директор больницы "Мизгав Лядах" - поэт и журналист, но Великий автор Тушинский принимает его за врача и задает целую кучу идиотских специальных вопросов. Адон Кашани родился в Афганистане, но успел вовремя оттуда уехать и выпустить в свет двадцать пять тонких брошюр. Он специалист по тонким брошюрам. Тушинский просматривает их со снисходительным видом. Последняя брошюра посвящена поэту Ури Цви Гринбергу, израильскому Лермонтову, но в свободное от брошюр время адон Кашани руководит рождением детей и ритуальными операциями. Это тот самый Кашани, который просил Стюарта хоть одним маленьким словечком упомянуть больницу "Мизгав Лядах" и ее директора Петра Ивановича Добчинского и, если можно, доложить о нем государю-императору. "За время коммунизма, - сказал адон Добчинский, - люди забыли о нашей хорошей традиции, и наша задача - им напомнить!" И рассказал Тушинскому анекдот о женихе, который хотел жениться необрезанным, и что из-за этого вышло.

К моему удивлению, Тушинский тоже не остался в долгу. Обычно он только слушает, но сакральная тема выбила его сегодня из колеи. И Тушинский рассказал встречный анекдот, что из крайней плоти слона в Нью-Йорке делают маленькие чемоданчики, очень маленькие, крохотули. Что за город этот Нью-Йорк! Чего там только не делают! И вот когда до этих чемоданчиков дотрагиваются женщины, сказал Тушинский, кстати, добавил он, а можно ли вообще обрезать в брачную ночь? И сколько времени нормальный и во всем остальном здоровый мужчина после этой деликатной операции должен воздерживаться от сексуальной активности? И что делать, если очень приспичит жениться?

Адон Кашани покачал головой и задумался. После этого он по селектору вызвал главного врача и признался нам, что он очень опытный журналист и личный друг адона Шамира, который в настоящее время является премьер-министром, и на сегодня в час дня у них назначена встреча. Но медицинские

вопросы для него самого неразрешимая загадка. И, уже совершенно надувшись, объявил нам, что зато в статистике он настоящий дока, с какого бока ни подойди: за четырнадцать последних месяцев они совершили 1546 обрезаний, то есть больше, чем по сто в месяц, точнее 110 и 4 десятых обрезания в месяц, и если бы еще 0,6 обрезания в месяц, то было бы почти 111. И теперь, покончив с Ури Цви Гринбергом (израильским Лермонтовым), он готов совершить серьезное исследование в области обрезания, и условия для серьезной работы есть! Тем более что у них в больнице делаются все важные анализы, даже исключительно важные, и есть свой глазной врач. Кашани совершенно оглушил меня своими цифрами. Я вообще плохо переношу цифры. Перевода от меня не требовалось - переводила пресс-атташе, поэтому я съел два пирожных и с интересом осмотрелся. Я не представляю, какого размера кабинет премьер-министра Шамира, но кабинет адона Кашани был просто гигантским. Я даже не думаю, что у самого Ури Цви Гринберга или у самого Михаила Юрьевича Лермонтова (которого можно считать русским Ури Цви Гринбергом) мог быть такой роскошный кабинет, а если и был, то не в этом ли кабинете была написана повесть "Княгиня Лиговская" и стихотворение "Выхожу один я на дорогу"! Посреди кабинета лежал роскошный ковер 4,3 приблизительно на пять метров, на резном столике стояла красивая фарфоровая супница, скульптура гигантской толстой бабы из чугуна, совершенно нееврейского вида, и большой цейсовский бинокль. Еще висело около девяти довольно слабеньких картин серого цвета, хорошо гармонирующих с ковром.

В это время явился очень ответственный врач из Америки в красивой вязаной кипе серого цвета, хорошо гармонирующей с девятью довольно слабенькими картинами. И адон Кашани сказал, что вот товарищ интересуется, через сколько времени после обрезания можно будет расслабиться и начать жить активной половой жизнью. Американский врач сел в кресло и посмотрел на Тушинского с уважением и нескрываемым интересом. Тот неплохо выглядел после Египта - покрылся прекрасным загаром, но все-таки видно было, что ему шестьдесят четыре года и что у него довольно большой живот, потому что по вечерам он основательно нажирается на приемах. Врач в кипе объяснил Тушинскому очень одобрительно, что вопрос этот индивидуальный, но он думает, что к половой активности можно вернуться недели через две, если, конечно, все заживет. Тогда адон Кашани объяснил, что это журналисты из "Волд энд лайф" и вопрос, конечно, теоретический, а не личный. И доктор начал рассказывать, что обрезания новорожденным выполняет специальный моэль, а в "Мизгав Лядах", разумеется, все делает он сам или еще какой-нибудь хирург, а моэль только присутствует и следит, чтобы все было по Галахе. Потому что если будет отсечено недостаточно крайней плоти, то шейка будет открываться не полностью. Тут он поперхнулся и сказал, что, пардон, не шейка, а головка. Он просто перепутал, потому что вообще-то мы находимся в родильном доме и основная его специальность - это именно гинекология, а настоящее совмещение

занятий происходит, потому что громадной алии из СССР нужно помочь вернуться к нормальной жизни.

Тушинский спросил, по каким дням происходит групповое обрезание, которое по-русски следует называть "групповухой", и я очень выразительно посмотрел на Туша, потому что даже если главный редактор "Волд энд лайф" приедет завтра в Израиль, то я не хотел бы больше участвовать ни в каких "групповухах", даже менее кровавых. Но американский врач сказал, что можно привыкнуть. Что он делал это бесчисленное количество раз и каждый раз менял пациенту имя. Например, Дима, то есть Димочка, становится Давидом, и директор Кашани патетически добавил, что каждый еврей должен быть уверен, что в своей стране его никто не назовет гоем. Еще он добавил, что они организуют в "Мизгав Лядах" национальный центр по обрезаниям, и, между прочим, если это интересно журналистам, то крайнюю плоть они потом закапывают в землю в саду, и Тушинский мечтательно ответил, что он надеется, что из земли ничего такого не произрастает, как в сказке Алексея Толстого "Буратино".

Но Кашани уже несло: очень хорошо поставленным голосом (до неприличия напоминающим голос премьера Шамира, так что, когда я закрывал глаза, я был уверен, что сам Шамир рассказывает нам об этом удивительном народном предании) он сообщил, что если бесплодная женщина съест этот материал, предназначенный для закапывания, то она немедленно вылечится от бесплодия. И мы все были немного не готовы к такому повороту темы.

Тем более, когда это рассказывается голосом премьер-министра. А "споукследи" взмолилась и сказала, что с нее хватит. Дальше все происходило как в заводской многотиражке. Тушинский сказал, что он видит, что коллективу врачей приходится работать все больше и больше. Но Кашани гордо возразил, что врачи готовы и что они даже собираются нанять дополнительное количество людей, и на это правительством выделено достаточно денег. Тогда Туш сказал, что у него есть американская привычка все измерять деньгами, и если читателю "Волд энд лайф" интересно узнать, сколько стоит пластика носа или байпас, то во что, интересно, обходится эта хирургическая процедура? И прямо просиял, узнав, что можно уложиться в пятьсот шекелей. Тушинский сказал, что он собирается организовать специальное туристическое бюро, что он будет возить сюда американцев сотнями тысяч. Но не сегодня, потому что сегодня он уже ничего не может на эту тему слышать.

Кашани пожал нам руку, и мы поболтались немного по этому роддому и вернулись обедать в "Хилтон". Единственным невозмутимым человеком во всей больнице была женщина - инженер-электрик, окончившая институт Бонч-Бруевича в Ленинграде, которая мыла пол в туалете. Я сказал ей, что жил рядом с ее институтом в доме, где "фонарные" бани, но она сказала, что она в основном училась, а не ходила в баню, и вот теперь, выучившись, моет тут пол. И это таинственное зарывание тоже, видимо, производит она. Так что, если кто страдает бесплодием, то я могу дать ее координаты.

ДОРОГА ИЗ АРИЭЛЯ (Я философствую)

В феврале мы возвращались со Стюартом из Ариэля, и состоялся первый крупный скандал. Я сказал какую-то глупость, вроде "какая красотища", а Стюарт начал взвинченно доказывать мне, что это палестинская земля, что ее пришли и отняли. Мои ссылки на Библию привели уже к полной истерике. Собственно, если в системе Бога нет, то арабы действительно правы. Также верно, что еврей, не принимающий Мессию, находится под прежним законом и свинину и крабов есть не должен. Нужно еще добавить, что еврей, который считает, что Мессия уже родился, не получает за это корзину абсорбции, а тот, который считает, что еще не родился или вообще ничего не считает, тот "корзину" получает!

Объяснить эту тонкость нееврею нельзя. Но что такое еврей, дело тоже очень туманное. Согласно религии евреев, которую большинство евреев не принимает, национальность определяется по матери. К Библии, которую большинство евреев принимает, этот вывод не имеет никакого отношения. И, разумеется, в Пятикнижии Моисеевом, в Писаниях и в Пророках национальность определяется по отцу. Кроме того сказано, что сюда вернутся евреи всех двенадцати колен, а пока возвращается только колено Иегуды вместе с остатками колена Вениамина. Рано или поздно выяснится, что армяне - это одно из двенадцати колен, и все эфиопы - одно из еврейских колен. Каждый, кто чувствует связь с Богом, - еврей. Вы сами, случайно, не еврей?

МИЦПЕ-РАМОН

За Беэр-Шевой далеко на юг - город на краю гигантского каньона. Мицпе-Рамон. Это главный в будущем культурный центр Израиля, но пока там очень жарко, и нам никого показать не смогли, кроме Семена, погонщика верблюдов из Кишинева, и одной женщины из Каунаса, специалистки по литовскому театру. Она сказала мне, что ее воткнули в этот город по невероятной ошибке. Но чувствуется, что культурная потенция у этого города есть, да еще каньон, в который Остап Бендер продавал билетки. Ощущение разверзстого лона земли. Женщина не старушка, но довольно пожилая, и грустный поэт Саша Верник, который ездит сюда два раза в год читать стихи олим на краю скалы, как Пушкин на известной картине Айвазовского. Пушкина пририсовал Репин. У самого мариниста долго ничего не получалось, и он попросил Репина. Это хороший источник заработка - нужно найти израильского художника, который хорошо продается, и пририсовывать ему поэтические фигуры. Тогда хоть что-нибудь на этих картинах станет профессиональным.

Еду в тумане. Сорок два градуса. Я ненадолго закрываю глаза, но слежу, чтобы во сне не съехать с дороги. Тушинский впереди, в машине члена правительства. Перед каждым городом - строительные площадки в густой белой пыли. Щит с надписью - строительство восьми тысяч квартир для олим. Каждая по сто тысяч

долларов. Это уже личное дело эмигрантов - эти квартиры не покупать, главное, для кого их строят!

ПУШКИН И ГОГОЛЬ (Гостиница в Нагарии)

Прочитал интервью Бродского в газете "Время". Бродского я считаю лучшим израильским поэтом. С годами он становится все больше похожим на Щаранского. Они дружат. Дружат, как Маркс и Энгельс. Как Пушкин и Гоголь. Пушкин надавал Гоголю кучу бесплатных советов. Они стали как один человек: у Стивенсона даже есть похожая повесть - входит в дверь Пушкин, а выходит уже Гоголь. Тушинский подарил мне вырезку из "Геральд трибюн", где было стихотворение на английском, и писали, что Бродский стал лучшим поэтом Америки. Язык, которым были написаны стихи, не имел к Бродскому никакого отношения. Но по стихотворению было видно, что он не хочет быть евреем. Вообще не хочет быть похожим на Щаранского и окружать себя всякой сволочью. И это нежелание быть евреем можно было проследить по всем его текстам: то есть нигде не было даже строчки, что он еврей, но зато всюду, что как будто бы он не еврей, а просто нормальный человек. Американец! И это желание стать американцем, и песни про новую родину были навязчивым стремлением избавиться от своего еврейства. И этим же было военно-морское училище имени Фрунзе, в которое он когда-то попал: вся жизнь была посвящена тому, чтобы не ассоциироваться со Щаранским! Поэтому в интервью поэт жаловался на сердце, втайне надеясь, что он успеет умереть и ни разу не побывать в Израиле, иначе он пропал! В этом смысле Тушинский, который тоже называл себя американцем, а никак не поляком и не евреем, все-таки чувствовал себя в этой шкуре намного свободнее и приезжал в Израиль по два раза в год.

Четыре утра в гостинице в Нагарии. Не заснуть, но неудобно будить ночного израильского араба, чтобы он принес мне выпить. По телевизору какие-то цветные точки из Ливана, а в номере ничего, кроме пустых фанерных ящиков, в которые мне нечего положить. Абсолютно стерильный номер, нет даже комаров. Я брожу по комнате и думаю, что он не станет со мной судиться за то, что его называли лучшим поэтом Израиля любого года. Или за то, что он похож на человека, который подставляет полмиллиона советских евреев под долги, которые невозможно выплатить. Вот уже одиннадцать лет этой заграничной жизни по чужим гостиницам. Никуда не приехать и возвращаться тоже некуда. Потому что Ленинграда и Васильевского острова, на котором жил я и на котором жил он, уже давно на свете не существовало.

ТРЮФЕЛЯ

Жизнь израильского истеблишмента нелегка. Если наверху у подрядчика нет прямого родства, то разрешение на строительство новых домов за подписью Шарона обходится подрядчику в круглую сумму 1 миллион шекелей. Это

данные американских журналистов. По размеру взяток можно судить о прибылях. Банки через пятнадцать лет будут иметь свои долговые тюрьмы, в которых будут работать голые ланцепупы. Их даже домой в караванные домики не будут выпускать на ночь. Все будет описано судебными исполнителями. Как у моего приятеля, графика Андрюши Р-цкого, суд описал даже пуделька Коку. Это было сильным психологическим ударом: пудель сживал за общим столом, и долг пришлось выплачивать. Оставить в тюрьме пуделя, жравшего трюфеля, было не по-товарищески.

БОРИС АБРАМОВИЧ

Шесть часов утра в Бней-Браке. Физик после Горьковского университета метет центральную улицу. Я сижу на ступенях шляпного магазина. Черная шляпа, которую я мерил в обрезальном центре, стоит сто пятьдесят шекелей. Я намерил ее шекеля на четыре. Проходят озабоченные прохожие. Специфическая бней-браковская скачущая походка. Платят физикам с метлой тридцать шесть шекелей в день. Это около пятнадцати долларов. При коэффициенте один к тридцати двум - это больше четырехсот пятидесяти рублей в день. Для физика из Горького - очень неплохо. Только после забастовки мусорщиков на улицах слишком много мусора. Целые горы. Нас встречает другой русский дворник, но не физик-дворник, а просто дворник, дворник-дворник, и спрашивает: "Ну, дал американец?!" "Нет, пока нет". Физик Борис Абрамович рассказывает, что за время работы он нашел два раза двадцатки и несколько раз по шекелю. А вчера нашел жетон для телефона, асимон. Я тоже так устроен, я бы целыми днями ходил и искал под ногами деньги.

На нашей стороне улицы пусто. Большинство граждан в шляпах, видя камеру Стюарта, убегают на другую сторону. Я могу с большой точностью вычислить процент убегающих на другую сторону улицы. Стюарт получает зарплату за точный глаз. Я бы тоже мечтал получать за глаз. "Волд энд Лайф" говорит Стюарту: "Снимай, чего хочешь!" Я вижу, что он перебросил камеры за спину и помог Борису Абрамовичу поднять две пустые жестянки из-под "колы". Тушинский бы ни за что их не поднял. И двадцатку физику тоже бы не дал. Не из жадности, а просто не дал бы. Стюарт трет подбородок и решает сфотографировать Бориса Абрамовича на фоне бородатых хасидов. Я ему говорю, мол, операция, нас ждут, нужно ехать, но он только отмахивается и грубит. Говорит: "Не едем, то, что я снимаю сейчас, для журнала слишком важно". Как физик из города Горького метет израильскую улицу.

Борис Абрамович ходит и считает про себя: в первый и в седьмой день я нашел по двадцатке. Сейчас еще двадцать шекелей ни за что дал сумасшедший американец. Я бы думал именно так, у меня дворницкая психология. Все подметают в своей одежде. В Иерусалиме арабам дают голубую униформу. Ничего, ребята, вы к нам приедете, мы вам тоже вручим по метле. Хотя я не уверен, что ваши министры Перец и Дери могут быть хоть для чего-нибудь

пригодны. Подметание тоже вещь тонкая, вот Ельцин мог бы мести, а Дери - нет. И Горбачев - тоже нет. Генетик из Реховота говорит, что научился от подметания улиц получать удовольствие. А пианистку из Тель-Авива хозяин каждый вечер хвалит за то, что она идеально моет посуду. Переживает: "Ты уйдешь, и я не знаю, что я без тебя буду делать!"

Борису Абрамовичу вручили в лавке два килограмма мягких фруктов, и он повез их на своей тележке дальше. Потом он повезет их на служебном автобусе в Нагарию. Дворников привозят из Нагарии. А в Реховоте подметают свои. Меня всегда раньше мучил вопрос, что же дворники делают со своими находками? Они могут закапывать их в тайники. Мы совершенно опаздываем на операцию. Постепенно я перестал зевать и почти проснулся. Ехал утром в тумане и спал. Стюарт удивительно умеет загонять людей. Постоянная истерика, что он до сих пор не снял еще ни одного кадра. Дикое непомерное тщеславие. Утром над дорогой стоял низкий туман - от Иерусалима и почти до самого аэропорта. Я прикрываю веки и не вижу ни дворника, ни Стюарта - только шарканье метлы и щелканье фотокамеры. Проходим мимо нашей машины - на ней висит муниципальный штраф. Стюарт аккуратно складывает квитанцию и кладет ее в бумажник. "Волд энд Лайф" оплачивает все штрафы, но Тушинский их комкает и кидает под колеса.

К девяти часам утра Борис Абрамович должен домести до "Рабочего банка", где стоит очередь черных хасидов - мы их сфотографируем и, наконец, сможем поехать в больницу. Там я запущу Стюарта в операционный блок и усну спокойно в машине. Я сказал Стюарту, что не могу заставить себя войти в операционную. Я заходил туда в Ленинграде четыре месяца назад. И пять раз мылся на операции. То, что я смог оперировать на равных со средними хирургами, видимо, не делает чести советской медицине, но от виртуозов я отстал. Руки помнят, но голова не помнит ничего. За операционным столом стоял профессиональный сторож. Человек, который уже много лет сторожит общежитие незамужних аргентинок. Раньше я не верил, что можно перестать быть врачом, но я очень хотел перестать, и мне это удалось. Может быть, Борис Абрамович тоже хочет перестать быть физиком. Жестянки и окурки из клумб ему приходится выковыривать руками. Метлой туда не залезть. Я ненавижу эту привычку стыдливо засовывать окурки в клумбы или за батарею. У Бориса Абрамовича на выковыривание уходит треть его рабочего дворничьего времени. Сейчас бы сесть на эту деревянную скамейку и сладко уснуть. Скамейки у хасидов из самого настоящего дерева. Как на севере. Как в Магнитогорске. Возле банка Борис Абрамович устраивает подметальный спектакль минут на двадцать, пока я не мигаю ему, что хватит, пора кончать. (Стюарт не разрешает мне заниматься режиссурой.)

ФОТОГРАФ ЮРА ИЗ РЕХОВОТА

Стюарт остался безумно доволен съемкой, и мы в тель-авивских пробках протискиваемся в больницу на операцию. Я предвкушаю момент, когда я засну на сорокаградусной жаре, закрывшись от мух тряпочками. Но не тут-то было. Мы опоздали, и на операцию нас не впускают. Дальше можно изучать стандартную реакцию американца из учебника патологической физиологии под общей редакцией академика Альперина. Стюарт начинает истошно орать, что вообще не нужно было ехать снимать дворников, что я должен был напомнить ему о времени, что день и жизнь его загублены навсегда. Стюарт - типичный американец. Интересно, откуда вообще берутся американцы? Зачем их выпускают из Америки?! Лучше бы они просто присылали сто долларов в день, а приезжать - не приезжали. Если надо сфотографировать, то мы и сами снимем не хуже. У меня тесть хорошо фотографирует, и я знаю еще одного прекрасного фотографа из Реховота. Телефон: 08-463303.

ГУШ-ЭЦИОН

Мы едем в ешиву на "территориях". Дорога через Бейт-Лехем, который почему-то стал Вифлеемом. Раньше я ездил в Бейт-Лехем чинить тормоза. Там есть один арабский механик, хороший мастер по тормозам. Но нам он чинил средне, поэтому приходилось ездить к нему каждую неделю. А жители Гило по субботам ходили в Вифлеем за продуктами. Вокруг палестинских лагерей сегодня построен высочайший забор, из-за которого невозможно прицельно кидать в израильские машины. Арабам остается переходить на лук и стрелы. На склонах холмов - новые религиозные поселения. Виллы покрыты красной итальянской черепицей.

Ощущение, что все дома построены навсегда. От любых арабских домов, даже новых, даже шикарных, ощущение, что наспех и временно. Стюарт начинает плакаться, что вот все эти оливковые рощи отняты у арабов, а вместо рощ настроили асфальтовых дорог, и люди лишены куска хлеба с оливами. Но у меня стюартовские слова вызывают уже только обратный эффект. Я становлюсь правым, как "Ганди". Стюарт делает из меня восторженного сиониста. Я еще раз забреду в квартиру Меира Кахане, и мое будущее определится навсегда. Стюарт снимает в ешиве урок Торы, а я пытаюсь задремать, прислонившись к бетонной стенке. Но в соломенной шляпе заснуть невозможно! Надо пересмотреть все ковбойские фильмы и понять, как это удастся ковбоям.

В ешиве учатся спортивного вида молодые израильтяне, и между ними снуют пауки-преподаватели. Но пауки в хорошем смысле, к письму. Я вообще против обидных сравнений из животного мира. Тараканов я не люблю за их беготню, а пауки - всегда личности! Они едят комаров. Это идиотское произведение про Муху-Цокотуху заморочило всем мозги. На самом деле во всей этой истории про самовар есть лишь один положительный герой, который гибнет, как Виктор

Талалихин над ленинградским небом. Вернее, Талалихин - это комар, а паук гибнет, как боец противовоздушной обороны. Нас научили в школах, как именно мы должны воспринимать прочитанные книги, но это учение оказалось ложным. Наташа Ростова - это глупая экзальтированная курица. Половина ешиботников понаехало из Австралии. Видно, что о Наташе Ростовой у них нет никаких сведений. Одни конопатые блондины! Австралийцев пока еще не проверяют на еврейство.

На втором этаже ешивы - балкон для женщин, отгороженный от юношей таким же высоким забором, как палестинский лагерь в Бейт-Лехеме. Чтобы религиозные женщины не швыряли сверху камни или чтобы бурсаки не отвлекались. Самое смешное, что я точно знаю, что именно нужно Стюарту: он ищет вооруженных до зубов эмигрантов со свитком Торы в руках! Но автоматов в зале почти нет - несколько валяется на полу, и русских в этой ешиве мало. И все - очень упрямые и скучные. Стюарт раздраженно засовывает кипу во внутренний карман и хлопает ешивской дверью.

КРАСАВИЦЫ

Я заметил, что мнение "Волд энд Лайф" в основном базируется на мнениях красавиц. С ними Тушинский разговаривает охотнее и дольше, и вообще за свою жизнь красавицы обычно выслушивают множество чужих идей. Часть этих идей впоследствии они выдают за свои.

Когда мы встречаемся с красавицами, Тушинский чаще ставит меня на место, показывая, что это он тут задает вопросы, а я просто езжу за ним следом за сто долларов в день. И то, что я пишу, это чаще всего ответы не на мои вопросы. Но все-таки журналу "Волд энд Лайф" следует помнить, что мнение некрасавиц тоже требует дополнительного исследования.

МИЛЛИОН

Шесть лет назад моя жена выпускала газету и за какую-то дурацкую статью заплатила мне восемьдесят шекелей. Но чтобы я мог получить всю сумму, я подписал в налоговом управлении какую-то бумажку. Через несколько месяцев газета была торпедирована и благополучно затонула. Но к концу года я получил бумагу из налогового управления, что я должен государству Израиль две тысячи шекелей. Мы еще не были женаты, и в тот момент я был вдовцом с тремя крошечными детьми, но никакие бумаги не помогли. Сегодня мой долг за тот гонорар в восемьдесят шекелей вырос до ста пятидесяти тысяч четырехсот шекелей. Я держу эту бумагу перед собой: ее должен увидеть каждый из новых олим, который собирается голосовать за любую из израильских партий - вот они, эти партии! Через пару лет я буду должен Израилю миллион. Это другое, новое самоощущение. Меня уже несколько раз приезжали арестовывать. В

налоговом управлении я побывал у начальства всех рангов: они кивают на компьютер и говорят, что человеческий разум бессилён. Но я чувствую, что становлюсь более солидным человеком - если у меня такие долги, то можно себе позволить и другой уровень трат. Все равно лишние двадцать-тридцать тысяч долларов погоды не делают. Потом всегда можно будет уйти через египетскую границу.

ТЕАТР "ГЕШЕР"

Я был на спектакле два раза. Первый раз я не выси́дел дольше первого акта, а со второго и третьего ушел. А при втором просмотре мы с Тушинским опоздали на весь первый акт, и это сразу настроило меня на самый философский лад: ни с чего в этой идиотской жизни не удастся уйти, и все придется досмотреть до конца. Тушинскому и Стюарту понравилось безумно, но это ничуть не умаляет достоинств спектакля. Тушинский сказал "топ, лучше, чем на Бродвее". Больше всех ему понравился Гильденстерн из Магнитогорска, самый шумный на сцене. Но его, в принципе, можно научить играть потише. Розенкранца переучить уже нельзя, это вечный любитель. Глядя на меня, Тушинский тоже стал делать заметки, чтобы не путали, кто писатель, а кто у него на зарплате переводчиком. Удивительнее всего, что на сцене все евреи. Интересно, как бы это выглядело в Нигерии: черный Гамлет, черная Офелия, черный администратор Мальцев.

Все-таки к третьему акту я начал сдавать. Я иногда замечая, что я патологически не люблю искусства! К тому же у кого-то в четвертом ряду пахли носки. Вообще у зрителей надо проверять носки, а не билеты. Но особенно я не люблю, когда мудака с претензией начинает переписывать Шекспира. Это еще его счастье, что автор оказался англичанином, а не американцем. В третьем акте Стюарт исчез в буфете, и я забеспокоился. Стюарт не пьет: один раз в феврале его напоили таты из Орджоникидзе, и с тех пор я стараюсь его удерживать. Но все окончилось благополучно: Стюарт на месте, а главное - есть русский театр! Не потому, что мне понравилось. Мне скорее не понравилось. Черная Офелия не понравилась, черный Гильденстерн был ужасен, Гамлет мне не нравится всегда - это единственный герой Шекспира, которого я не выношу.

За кулисами я побывал в первый раз в жизни, и неудачно. Офелия сразу стала выгибаться и манерничать, и Стюарт вынужден был прекратить съемку - он к этому очень чувствителен. За кулисами мне больше всего понравились утюги. Белошвейка шьет, а рядом дымятся два огромных утюга. И откуда-то взялось ощущение театра. Как мы тут все без него выжили, как не передохли?!

Теперь вот есть свой театр, который может не нравиться, можно ходить и плевать, а в антрактах жить интенсивной светской жизнью. Только бы они не переучились на иврит: одна какая-то дурища уже потащилась в "Габиму", хорошо бы на всех не нашло такое поветрие. Для Тушинского сегодня очень важный момент - он понял, что никакого враща́ния культур не происходит.

ХИРУРГИЧЕСКАЯ СТРАНИЦА

Доктор Футер из Прибалтики. Заведующий операционным блоком. Все очень важные. Оперируют на сердце. Зеленая операционная. Пустой зеленый зал. Возня. Я больше всего на свете люблю пустые операционные до начала работы. Или между операциями. Тяжело заходить внутрь. Операции видеть не хочу. И обрезаний видеть не хочу. Через час на этом столе начнется обрезание сердца по тридцатой главе Второзакония. Стюарт начинает снимать, но меня пока не отпускает. Я восемь раз вхожу в операционную и снова возвращаюсь в машину за какими-то насадками и линзами, которые Стюарт забыл под водительским сиденьем. Стюарту для зеленой операционной нужны красные насадки, чтобы уравновесить цвет. Это знакомый литературный ход, но я не умею им пользоваться. Чтобы войти в операционную, мне каждый раз заново нужно переодеваться. Стою в зеленом хирургическом колпаке и в трусах. Это уже не первый маскарадный наряд за неделю. Предыдущий колпак был фетровым и черным. Я - как театр одного актера и одного зрителя. Гильденстерн и Розенкранц в одном лице. Хорошо бы, к вечеру мне не пришлось вырядиться женихом. Как я начал этот год второго января с операционной, так и не остановиться. В зеркале я видел, как бы я сейчас выглядел, если бы последние одиннадцать лет я оставался хирургом. Это был постаревший портрет хирурга Дориана Грея. Тот хирург, которого я привык видеть в зеркале операционной, был всегда принципиально моложе. Зимой, в своем пятом онкологическом отделении, я себя не запомнил - я слишком волновался и трусил. Или кругом не было зеркал.

Стюарт торчал в операционной вот уже третий час. Его сердце военного корреспондента чувствовало запах свежей крови. Анестезиолог с цицитом, торчащим из-под зеленой пижамы, прошел и поцеловал мезузу на косяке. В больничные мезузы вкладывают текст из "Принципов медицины" Харрисона. А сама медицина стала новой сверхрелигией, но я в ней, к сожалению, разуверился. Объяснять логически свою позицию мне лень. Кстати, я не видел за свою жизнь ни одного здорового врача. Богатых врачей видел, а здоровых - нет. Слепой ведет слепого.

Сажу один на табуретке в предоперационной. Ужасная гадость эти операции на сердце. Может быть, и Бродский без операции на сердце был бы посимпатичнее. Не был бы таким Щаранским. Елки-моталки! Я забыл снять бахилы. Искушение взять с собой зеленую пижаму как трофей и послать своим в институт онкологии. Но я с этим искушением справился, хотя и не совсем. Анестезиологу Футеру 37 лет. Жизнь замерла. Мне сегодня 46, но здесь, в операционной, мне только 35. Я моложе его на два года. Стюарт продолжает безостановочно хищно снимать. Я ухожу из операционной целый. Как забытая любовница - встретил и слегка кивнул. Я вылечился. Что-то автоматически пишу, но уже отстраненно, не про себя. "Врачебная западная походка - как походка раввинов в Бней-Браке". Я сбегая из больницы и сижу в кафе. Слушаю,

как две тель-авивские пани болтают по-польски. Отвратительнее молодых врачей только молодые адвокаты. Стюарт отказывается снимать адвокатов, которые подметают улицы. Он говорит, что любой американец, увидев такую фотографию, не испытает ничего, кроме злорадства. Скажет "так ему и надо".

ТЕПЛОВОЙ УДАР

Выпил кофе, и стало легче. Стюарт ищет в записной книжке телефон гениального мальчика-пианиста. Сидит молоденькая проститутка в соломенной шляпке. Стюарт спрашивает меня, сколько они берут. Я говорю, двести. Стюарт говорит "э лот". Действительно, "э лот". Олим - скидки. У девочки не очень хорошая кожа. Но я люблю такую малокровную ностальгическую кожу. Но, может быть, она и не русская, но рыженькая, и очень длинные ноги. То есть каждая нога, как Шамир. В смысле длины. Американцы - на редкость плохие товарищи. Очень жарко. Я еду и, как мерин, мотаю головой, чтобы оставаться в сознании. Сердце бьется с каким-то непривычным трепетом. Не только от проститутки, но, скорее, от климата. Хочется, как праотцу Аврааму, скорее съесть чего-нибудь мясного с молочным. Он бы сейчас забегался со справками о национальности жены.

Стюарт говорит мне, что к пианисту Боре мы поедем завтра. Я облегченно вздыхаю. Сейчас в Израиль приезжает очень много гениальных звезд. Звезд разного. Мальчик - рок-звезда. И известные летчики-истребители. Дочка морщится, когда я сладким голосом говорю с ними по телефону. Главное, что я не люблю рока и не люблю самолетов. Я люблю ездить на поездах. Чтобы в тамбурах валялись цыгане и поручни были сырыми и грязными. В Израиле на поезде я так ни разу и не прокатился. Для олим в первый год проезд на поезде нужно сделать бесплатным, а то они, как и я, никогда уже не соберутся.

КАРМИЭЛЬ

Едем фотографировать палаточный городок. Старушки шлеляются из палаток в туалеты городского совета - это через дорогу. Там очень хорошие туалеты, после ночи в палатке можно помыться до пояса, и оттуда вообще никогда не хочется выходить. Я могу рекомендовать еще туалеты иерусалимского отеля "Хилтон". Еда в "Хилтоне" ужасная: кроме лукового супа и пирожных вообще ничего нельзя взять в рот. Но туалеты выдраены идеально. Наши моют! Как волшебным образом может меняться человеческая психика, что мытье туалетов становится пределом мечтаний. После этого ты понимаешь, что ты всего лишь человек и слава твоя военного летчика и рок-звезды преходяща. Тушинского не заставить мыть туалеты, он думает, что не заставить. Тушинский уверен, что предпочел бы вернуться. Сам я уже помыл свои "заграничные туалеты", и мне это занятие порядком надоело. Когда жизнь моя снова докатится

до дна, то я предпочту поселиться в лесу. Я прожил полгода на израильском пляже и счастливее никогда в жизни не был.

В центральной палатке живет старушка Бася из Кишинева. Скоро должны подъехать ее родные из Курска. Басе 75 лет. Рассказывает, что в Кишиневе очень страшно. Она не гасила свет до трех часов ночи, боясь остаться в темноте. Поэтому здесь лучше даже в палатке. Полгода назад к ней приезжал дядя Певзнер из Чикаго, а потом исчез, не оставив адреса. Может быть, Тушинский знает, как найти дядю Певзнера? В Чикаго эмигрировал в 1911 году. Стоит ли пробовать через центральную чикагскую синагогу? Тушинский говорит мне сквозь зубы, что он не стал бы пробовать. Он говорит Басе, что время - жестокая штука. Что с момента, когда дядя Певзнер высадился в Чикаго, прошло без малого сто лет.

Еще в палаточном городке - две приبلудные собаки и пара поваров из Баку. Остальные поселенцы - на работе на трикотажной фабрике, которая производит женские трусы. Сначала трусы намотаны на барабаны, как фламандские пейзажи в запасниках Эрмитажа. Это интересная тема, и я готов задержаться на ней подольше. Вокруг этих барабанов с трусами, с этим сырьем женских трусов, с трусами до фазы митоза, с этим неотпочковавшимся еще предметом мужских грез - много выпускников советских вузов: учительниц, экономистов, музыкальных работников - в основном с Украины. Они нарезают трусы на штуки и пускают в нелегкий жизненный путь. Стюарт сказал, что кандидаты музыкальных наук вокруг барабанов с израильскими трусами - это отличная визуальная картина.

Такова динамика нашей жизни: советские профессора становятся израильскими техниками, техники и инженеры - слесарями, слесаря - подсобниками. При этом освобождается целая социальная группа советских подсобников, которых дальше уже некуда опускать. И я советовал бы им заняться политикой. Любой человек, который не сволочь, через год может попасть в Кнессет во главе русской партии. Сволочь даже раньше.

ОБЪЕКТИВНОСТЬ

Тушинский может написать в своей статье, что он захочет. Его уже никто не проверяет. Выглядит это как объективность, но надувательство заключается в том, что заведомо выбирается проверенный гладкий автор, который сам срежет все острые углы. Необъективность обеспечивается еще на уровне выбора автора. Стюарт и Тушинский с усмешкой спрашивают меня, что же я такое описываю. Я

не решаюсь ответить "вас". На базаре, на фоне куриных холмов, Стюарт сказал мне, что он отказывается быть героем моих записей. Но я стараюсь быть объективным: просто у американцев чужие ценности! Они не понимают, что нет разницы между хирургом, оперирующим на сердце, и физиком, метущим улицы в Бней-Браке. И израильтяне не понимают и не поймут никогда. Но даже американцы иногда делают хорошее. Тушинский один раз вспомнил, что у меня затемненные очки, и предложил мне, что машину ночью поведет он. Я такую внимательность очень ценю. Еще он разрешил мне купить арбузы в Акко. Честно говоря, я купил еще три килограмма свежих крабов, но я не хочу об этом писать, даже не только из-за некошерности, но крабы на жаре так невероятно провоняли наше "Вольво", что я не верю, что ее еще кому-нибудь удастся сдать в прокат.

РЫНОК "КАРМЕЛЬ" (Тель-Авив)

Текст - "подберем помидоры, остальное у нас есть". Люди собирают овощи и фрукты с земли. Часть из них мы встречали зимой в аэропорту. Они там платили пошлину за собственные цветные телевизоры. Сейчас стоит очередь за дармовыми пакетами с овощами и засохшими полевыми цветочками. Стюарт называет их "блю белз", но это не колокольчики. Шесть картофелин, баклажан, две помидорины и маленький портретик Щаранского. Щаранский советует не создавать своей партии, а выбрать себе по вкусу политическую израильскую партию и за нее голосовать. Тот, кто пойдет с ними до конца, всегда сможет рассчитывать на эту гуманную трехкилограммовую помощь от израильского правительства. Чтобы понять, сколько стоит государству Израиль этот мешочек с овощами, нужно помнить, что за килограмм помидоров государство платит кибуцам около десяти центов, остальное - это его же собственные наценки. Наценки не "на армию" - за армию платит правительство США, - наценки за то, чтобы израильский истеблишмент имел приличный жизненный уровень.

Мы выбираем со Стюартом толстого дядьку с Украины, похожего на министра Арика Шарона, и начинаем за него болеть.

Шарон уже выстоял очередь за пакетиками два раза и снова пристраивается в хвост. Несколько старичков, которые стоят по второму кругу, уже выловили из очереди и с позором изгнали, но Шарон вытирает платком потную голову, стоит и терпит. Просто страшно, что такому человеку, которому нужно получать продукты на три вагончика со студентками, может не хватить. Не станет же он сам жрать эти баклажаны! Стюарт говорит, что даже для него этой базарной эпике "ту матч". Стюарт говорит: "Я не в состоянии этого видеть. Я не в состоянии этого видеть. Мы не морализируем - просто снимаем и отваливаем!"

Поднимание с земли Стюарт называет "скявенджинг". Да мы и сами "стервятники" с фотокамерой. "Скявенджерс". И брать пошлину за телевизоры с горстки людей, которая приехала сюда во время войны, тоже "скявенджинг". Я говорю Стюарту, что не нужно делать очевидных обобщений.

Продавец считает с прилавка остаток овощей - моментально слетается толпа олим. Наконец я вижу, как работает крутой американский профессионал: Стюарт вжимается в стену - потом щелк камерой и отвернулся, жестко - щелк камерой и снова отвернулся. "Кто собирает тут на базаре?" Все собирают. Я тоже собирал пару лет. Или больше. Еще час, и эта базарная пытка кончится. Не стянули бы еще линзы из его сумки. Понаехало громадное количество фотографов-олим, и это может сделать кто-нибудь из них. Стюарт рассказывает, что в Гонконге у него сняли фотокамеру прямо с плеча. Под ногами валяются буйволиные челюсти. Я жду, что кто-нибудь подберет их, как Самсон, и пойдет крушить толпу. Ноги ужасно липнут. Старушка, которую сейчас снимает Стюарт, тридцать минут копается в куче куриных потрохов. Мы гадаем, откуда она может быть родом. Стюарт молится, чтобы она оказалась "русской", а я молюсь, чтобы она была "нерусской". Стюарт отснял за тридцать минут уже девяносто кадров.

Я сейчас задохнусь от куриного смрада. От куриных ног. Я - куриный король! Куриный щелкунчик. Апофеоз куриной абсорбции! Какое там 12 белоснежных лебедей! Тысячи лебедей, то есть кур, обронили здесь свои крылья! Надо очень любить кур, чтобы тут копать. Мне нравится, что Стюарт искренне переживает за эту старушку. Тушинский вообще не попрется на этот базар в своей пелерине. И его друзья-министры на куриный рынок не ходят. А Стюарт безостановочно снимает.

Я чувствую себя форменным предателем алии, я не понимаю, как я могу участвовать в этих натуралистических съемках! Но ничего, я попредаю еще две недели, и все! И баста! И невер мор! И никогда опять! Я задушу Щаранского в себе и больше не стану никого предавать! Старушка оказывается полькой. Она живет в Израиле тридцать восемь лет. Может быть, все ее родственники в Кнессете! А сама она - истэблишмент, тетя министра Модай! Старушка бормочет, что собирает она, в основном, для кошки, но желудочки такие свеженькие, что грех не взять. Стюарт лихо, по-воровски, снимает ее в упор и отворачивается. Хватит! Да, - вздыхает Стюарт, - в Гондурасе люди живут на свалках, копаются в отбросах вместе с шакалами и койотами, но на меня они не обращали внимания! Почему-то здесь по-другому.

Продавец дает новой эмигрантке попробовать маленький кусочек манго и сладким голосом спрашивает: "Гуд Исраэль?!"

Гуд. Очень гуд.

КАРАВАННЫЙ ГОРОДОК (Дорога в Реховот)

Страшные домики на курьих ножках. Они расплодятся и станут Тель-Авивом. Совершенно одинаковые. Похожи на передвижной болгарский цирк. Вот в этом домике должны жить униформисты, а тут - семья с удавом. Заходит солнце. Пахнет шашлыками. Семья из Тбилиси. Смотрят печально. Говорят с акцентом: "Заходыты, пасматрите, как живут люды!" Шашлыки - как показатель

нормальной жизни. "Жызыны". Я приказываю себе: "Запиши хоть что-нибудь!" На велосипеде едет босая девочка. Это самая красивая девочка, которую я видел за последние триста двадцать лет. Через месяц ей стукнет двенадцать. Владимир Набоков посвятил ей целую книгу. Папа - гидролог, мама - инженер-строитель. Говорит, что девчонки все дуры, поэтому она играет с мальчишками. Будет сводить с ума толпы израильтян. Пусть она им всем отомстит за нас. Но пока ее держат в этом гетто. Под музыку мороженщика. Папа-гидролог даже не разрешает разрисовывать вагончики, а так в них можно заблудиться.

Стюарт выбирает для съемки радостные точки, на которых лучше снимать торжество коммунизма в Пном-Пене: нет ни земли, ни неба, мир состоит из одних белых уродливых вагончиков, в которых живут нимфетки. Стюарт задерживается возле мальчика, который водит в прятки. Каждый, кто водит, считает до ста за вагончиком N 678537. Стюарт говорит, что "хайд энд си" - его самая любимая игра. Вообще городок карванов - это идеальное место для игры в прятки. Но я больше любил играть в "двенадцать палочек". Продавец мороженого похож на предприимчивого израильского поэта Генделева. Хорошо бы этот Генделев привез сюда, кроме мороженого, картошку и растительного масла. Магазины пока нет, но скоро будет. Через месяц. Уже выделен вагончик. Рядом с вагончиком конторы. На конторе надпись: "Если вы не заключите договор на воду, вода будет отключена!" Непонятно, что без воды произойдет с удавами и цирковыми слонами. В песочницы еще не завезен морской песок. У вагончика N 16731-6 мальчик из Ташкента играет на кларнете южнословацкие мелодии и "Заиньку" в обработке Гедике. Я подошел и аккуратно, с ошибками, переписал название. В этом вагончике будет тюрьма, в этом - родильный дом, в этом - библиотека. В общем, неплохо, можно жить. Живали мы и хуже.

КАФЕ "А ПРОПО" (Тель-Авив)

Женщина за стойкой окончила библиотечный институт имени Надежды Константиновны Крупской. Она сообщила мне, что Михаил Козаков заключил контракт с израильским театром и будет теперь играть на иврите. "А что теперь будет с нами?!" - сказала она и заплакала. Тушинский поглядел на нас с большим удивлением. "Это что, ваша знакомая?" - прошептал он. "Перестаньте плакать!" - сказал я твердо. - Я сам люблю Козакова. В четырнадцать лет меня не пропустили на "Убийство на улице Данте", и я уже тридцать два года не могу успокоиться! Это гениальный актер и режиссер! Но поверьте мнению эксперта: он никогда не сможет играть на иврите - я был у него вчера вечером вместе с этим толстым американским дядей. Даю вам честное слово Крупской! Нам два кофе-фильтр!"

Я даже хотел подарить ей открытку, на которой написано "Самуилу Тушинскому от актера Михаила Козакова", но какого черта! Пусть Козаков сам утешает своих поклонниц.

СЕКТОР ГАЗЫ

Проехали пропускной пункт. Сотни новеньких "пежо" в кустах. Все одного цвета. Все одной формы. Видимо, один и тот же номер. Невероятно, чтобы их можно было отличить одну от другой. По вечерам арабов довозят до границы с Газой, и они ищут по кустам свои машины. Ругаются по-арабски и скандалят. Вдоль дорог - сталинградская архитектура, "дом Павлова". Привкус отсутствия будущего. Люди, козы, дети зацепились за эти рассыпающиеся сараи и ждут в них конца света. По ту сторону границы в караванных домиках конца света будут ждать русские. Много зелени. По отсутствию напряжения похоже на Абхазию. Проезжаем арабскую зону и въезжаем в Гуш-Катиф. Это уже Паланга. Гуш-Катиф планируют заселить десятками тысяч эмигрантов. На деньгах сидит бывший летчик: "Привози мне сто тысяч русских, я их всех обеспечу землей! Главный враг - это не арабы! Главный враг - это наше правительство! Раньше мы делали ошибку и брали сюда людей после строгого отбора. Теперь берем всех подряд!"

Русских действительно тут - "не сливки". Летчик серьезно думает, что именно так выглядят русские. Сам он сефард, а жена - наполовину йеменитка, наполовину - полька. Такое сочетание - это куб самобытности и гордыни. Прожили три года в Беверли-Хилз. Американцы удивляются, что из Беверли-Хилз можно навсегда уехать в эту пустыню. Дюны. Граница с Египтом. На песке растут помидоры. "Газа" - это ложное понятие: есть собственно Газа, а есть Гуш-Катиф, который в четыре раза больше. И в самой Газе не семьсот тысяч арабов, как утверждает статистика, а только четыреста - остальные разъехались по свету. В Гуш-Катифе собираются открыть фабрику по производству мужских пиджаков. Их можно будет экспортировать в Беверли-Хилз. Вместе с помидорами.

Мы получаем с Тушинским по громадному сладкому помидору и с уважением их съедаем. Тысячи квадратных километров парников. Площадь парников равна Люксембургу. Попадаем в отдельно стоящий парник, который производит кошерную капусту для Бней-Брака без жуков. Чтобы министр абсорбции и министр внутренних дел случайно не оскорбились. Жуки и бабочки прилипают к специальным дверям, потом их перепродают энтомологам. Срывают семь метров песка - и под ним пресная вода. Можно вырыть себе чистые пруды и сесть на берегу с томиком Баратынского. Летчик с женой - оба странно религиозные, они положительно отзываються о свиньях, но говорят, что есть их нельзя. Тушинский отвечает, что по обоим пунктам он придерживается противоположного мнения. Москвичка Наташа и киевлянка Ира выращивают в оранжерее карликовые японские деревья. Дубы и вязы, как крошечные пирожные "птифурки" из ленинградского ресторана "Метрополь". На экспорт эльфам. Ира дремлет на песке между японскими грядками и, увидев нас, становится очень агрессивной. У нее хромает муж - ему нет сорока пяти лет, но на невольничьем рынке не берут на нормальную работу, если ты хромаешь.

Поэтому они приземлились в Гуш-Катифе. Но Ира говорит злобно, что "мы все-таки не из деревни Пятихатка, мы из трехмиллионного города". Чтобы мужчин не выгнали с работы, приходится работать в кипах. Летчик на это весело отвечает, что "не беда!". "Скоро построим большое поселение для нерелигиозных, чтобы люди не мешали друг другу жить!" Пока есть работа для всех, даже для пожилых женщин. Бней-Брак, к счастью, потребляет много кошерной капусты. Если Гуш-Катиф хочет заполучить к себе еще пятьдесят или сто тысяч жителей, им придется выделять землю для нерелигиозных коммун. А земля есть!

Коридор вдоль египетской границы. Идет араб, везет на тачке пожилого отца из Египта. Через эту границу я буду отваливать за долги. Тушинский говорит задумчиво, что арабские развалюшки рядом с границей - еще роскошь по сравнению с тем, как живут в Египте. За несколько последних часов я четвертый раз прихожу к выводу, что я, наконец, нашел в Израиле свежее место, где есть работа и нужны пионеры. И снова начинаю в этом сомневаться. Скорее всего, весь Израиль являлся бы таким "свежим местом", если бы в нем жили одни эмигранты. Но так уж получилось, что в Израиле проживает еще много настоящих израильтян, "индекс двести". Если бы в Израиле жили одни израильтяне, то жизнь бы остановилась.

Деревня арабских рыбаков - лодки за армейским забором. Дежурный офицер каждый день пересчитывает рыбаков, чтобы, кроме наркотиков, рыбаки не ввозили в Израиль террористов. Роскошный ресторан и гостиница на берегу. Русская официантка. Ей удастся выбираться домой в Ашкелон только раз в неделю. Муж-инженер работает где-то ночным сторожем. Двенадцатилетняя дочь недели за неделями ночует дома одна. Вдруг в кепочке и в шортиках, с беленькими толстенькими ножками топают наш герой! Двойник Бродского. Он прячется здесь от корреспондентов! Только что Ира и Наташа вопили, что после столичных институтов стригут эти идиотские карликовые листочки, что инженеры собирают израильтянам помидоры, специалист с двумя дипломами собирает рабские караванные домики, а наш ходит тут с махровым полотенцем! Какое он имеет право меня преследовать?! Он неотвязно шляется за мной по пятам, превращая меня в параноика. Я хочу подойти и в упор спросить, не Бродский ли он?! Лидер дутых сионистских героев, отдающих на закланье нашу алию?! Но Тушинский сказал: "Давай вообще ему не показываться, он мне надоел еще в Вашингтоне!" Тушинский - волейбольного роста, на голову выше меня, он скептически относится к маленьким. Когда начнется американская массовая алия, она родит новый тип сионистского героя: это будет мордастый розовощекий гигант, одетый во все черное! Хорошо бы до этого мига не дожить!

Еще утром я мечтал привезти в Гуш-Катиф много тысяч олим! После разговора с Ирой из оранжереи - категорически нет! Увидев пятнадцатилетнюю красавицу из Пскова - снова категорически да! Но после этой встречи в отеле - окончательно нет! Я привезу сюда двести тысяч человек, которые будут тут пахать вместе с черными бедуинами, выкапывать пруды с двумя дипломами, а

он будет прохаживаться тут в пробковом шлеме?! Или он, или двести тысяч! Я не желаю их травмировать. Пусть останавливается в "Хилтоне" в Тель-Авиве. Я перевожу дыхание, и мы едем дальше. После каждого интервью для Тушинского я беру еще настоящее интервью для себя. На обратном пути из Гуш-Катифа приглашаем к себе в машину солдатку: Тушинский считает, что с ней безопаснее. Каждый километр - два мальчика и старик, два мальчика и старик, сорок километровых стариков до границы. Ящики с початками кукурузы, возле каждого - бочка из-под гудрона, на которой лежат три арбуза. Солдатка умоляет не останавливать машину возле арабских торговцев - это запрещено армейской инструкцией. Проехали дореволюционный аэропорт - взлетная дорожка 750 метров. Много нумерованных тележек, запряженных инвентарными осликами. Номера пятизначные - видно, что жизнь хорошо налажена. Я ожидал увидеть человеческий муравейник и горящие шины, а вокруг шла добропорядочная сельскохозяйственная жизнь.

Из Израиля к границе подошел автобус - из него толпа угрюмых мужчин расходится по кустам разбирать "пежо". Идет толпа воронежских рабочих из кинофильма "Подсолнухи". Сейчас в спецовке из автобуса выйдет Мастроянни. Тушинский, прищурившись, замечает, что он участвует в демилитаризации Газы: вывозит из сектора Газы израильского военнослужащего. Пусть одну толстую солдатку, но это только начало. Если все вывезут из Газы по солдатке, то в Израиле станет очень много солдаток. Мнение Тушинского: что я не должен ни в коем случае рекламировать район Газы, потому что на этом кончатся подачи Буша и нечего будет жрать. А Щаранскому негде будет отдыхать.

Старики-арабы покорно ждут на обочинах. Тушинский говорит: "Жили-были три китайки - это стихотворение Пушкина - Як, Як Це Драк, Як Це Драк Це Дрони". Жили в Газе.

КИРЬЯТ-ШМОНА

Обстановка проще, лес - леснее, люди - человечнее. Только нет работы. Заведующая улыпаном говорит по-турецки. Ошеломительно красива, и это застаёт нас с Тушинским врасплох. Заведующая говорит, что все эмигранты теряют прежний статус, даже долго не могут объяснить, кем именно они были. Чем выше, тем сложнее сформулировать. Заседание муниципалитета проходит в детском интернате. Мэр отводит нас в бомбоубежище, где дети годами отсиживались под обстрелом "катюш". Пузатый обстоятельный мэр. В пятьдесят пятом году с побережья Марокко семью торговца рыбой из Танжера поселили здесь в палатках. Дедушка определенно торговал с Карфагеном. Сам мэр похож на располневшего крайка, играющего за воронежский "Труд", или на спартаковца Татушина. "Споукследи" мэрии принципиально красивее всех окружающих. Она сидит с загадочным видом и не раскрывает рта. Тушинского это начинает нервировать, он толкает меня ногой и спрашивает: "Вэр из ши фром?", но я не знаю ответа. Улыбка все-таки не плоская, в ней есть

израильский подтекст. Можно допустить, что она из Румынии или, в крайнем случае, из Турции. Я могу догадаться по акценту, но для споукследа она слишком уж молчалива! Она еще не произнесла ни словечка! Я никогда в своей жизни не видел таких идеальных споукследа! Я мечтаю о такой жене. Может быть, она глухонемая-споукследа, я бы не удивился! Неожиданно споукследа начала засыпать. В этот момент разговор шел о том, что каждое утро в Кирьят-Шмона привозят около тысячи ливанцев из пограничных деревень Ливана, которым платят по два шекеля в час. И если любому из советских эмигрантов платят хотя бы четыре, то делается это только из самых высоких и благородных израильских побуждений, о чем мы и так хорошо наслышаны. Вот в этот момент кирьят-шмонская красавица ужасно мило завила локон, сладко зевнула и очень мило прикрыла глазки. "Все-таки она израильтянка", - доложил я Тушинскому. В конце концов, за сто долларов в день я не в состоянии различать их по запаху! Я им не кокер-спаниэль, я не проходил специальной тренировки!

"Нет работы, - повторил мэр. - Люди едут и едут, а рабочих мест нет. Наш враг - это не арабы, наш главный враг - правительство Израиля!"

"Они начинают повторяться!" - сказал сквозь зубы Тушинский. Перед отъездом мэр угостил нас обедом. Рыбный стол был роскошным - это только подтвердило мои худшие опасения по поводу торговли с Карфагеном. Вот, пожалуй, и все о Кирьят-Шмона. Есть такая песня: "Од тире, од тире, кама тов ихье ба-шана, ба-шана ха-баа". Ее написали в подвале, в котором мы сидели с мэром. Песня о том, что в следующем году обстрелов больше не будет и дети будут играть на улицах в пятнашки, а мы будем сидеть на балконе и считать перелетных птиц. В следующем году. Мимо нашей машины проходят светленькие ребятишки и лопочут по-русски. Портфели тянутся по земле. Одна лямка оторвалась. Мальчик из Ленинграда, но названий улиц не помнит. Счастливый человек. Зато я их помню слишком много.

ИНСТИТУТ ВАЙЦМАНА

Вице-президент института - бывший посол в Африке. "Крокодилы, пальмы, баобабы и жена французского посла". Говорит с немецким акцентом. В кабинете пахнет дорогим трубочным табаком. Бывший посол производит впечатление самого умного человека в институте. Бывший посол посмеивается. Я говорю Тушинскому, что не очень люблю ученых. Он мне советует помалкивать. Неученых я тоже не люблю. Это парадокс. Первым нам показывают академика Лернера. Лернер - старый отказник, он недавно приехал, и его взяли на стипендию в институт Вайцмана. Вообще он металлург, но сейчас он создает для людей механическое сердце. Видимо, академик перечитал сказку Андерсена "Соловей и роза", и она натолкнула его на мысль. Английский у Лернера шикарный. Отказ - это школа английского языка! Академик сидит в темной комнате без окна. До этого он семнадцать лет просидел в отказе, поэтому его поместили в эту темную комнату, чтобы переход был не очень резким. У

Лернера в кабинете стоит кульман и нет компьютера. Мне это сразу очень нравится. Видно, что академик Лернер - потерянное поколение. Что он - "из наших". В этой комнате раньше сидел швейцар, и в такой комнатухе под лестницей Лернер придумал механическое сердце. Представляете себе, что он мог бы придумать на свету! В стенах трещины и дырки с кулак: я ищу место, на котором висел холст с нарисованным на нем очагом, но его отдали в чистку. Я отчетливо понимаю, что произошло перемещение во времени и мы с Тушинским оказались в четырнадцатом столетии. Сердце академик мастерит из драгоценных металлов. Я понимаю, почему его столько лет не выпускали!

Сердце будет состоять из трех частей. Первая часть сердца находится непосредственно в сердце! На нее уже есть патент, но все равно пока не нужно много болтать, только между своими. Между потерянным поколением. Вторая часть сердца будет в синей сумочке на ремне, в которой Тушинский носит чековые книжки и доллары, и очень важно, чтобы эту сумочку не сперли. И, наконец, в животе будет располагаться энергоснабжение. Телефон на столе у Лернера не работает - ему звонит сам президент страны, но в трубке слышны только бульканье и хрипы. Энергоснабжение в животе должно снабжаться энергоснабжением из сумочки; если сумочка откажет, как телефон, то кранцы. Основная рабочая часть создается академиком из титана: я слышал много историй о еврейских старушках, которые вывозили титан через таможню под видом своих любимых сковородочек. Теперь их переплавят в искусственные сердца, останется только выбитая надпись "цена 1 руб. 46 коп." где-нибудь в районе правого предсердия. Будущие археологи сойдут с ума, но даже археологи не понадобятся, потому что с таким сердцем за 1 руб. 46 из титана ты еще переживешь всех будущих археологов, ты их сам будешь раскапывать и закапывать!

Скоро приедут американские металлурги, тоже отказники, они навезут искусственных почек, мочеточников, разработают искусственные мозги! Но некоторые части, хотя бы самые формальные, нужно оставить немеханическими, иначе больницу "Мизгав Лядах" придется упразднить, как компартию Киргизии! На выполнение всей программы Лернеру нужно около сорока миллионов долларов. Кажется, около четырех тысяч он уже получил, и на эти деньги Лернер купил кульман. И мультимиллиардер Хаммер обещал дать денег, но в последний момент у него затонул какой-то важный пароход, и, естественно, ему было не до сердец. "Более того, он умер!" - меланхолично замечает Тушинский. Еще приличную сумму обещали французы. Началось все с того, что английский король Эдуард III претендовал на французский престол, но французская знать избрала королем Филиппа VI Валуа (1328-1350), началась Столетняя война, и деньги на механическое сердце из титана тоже ку-ку!

Осматриваем с Тушинским сердце. Фотографировать нельзя, но на словах я могу рассказать, что выглядит очень солидно. Пока это макет, но все части неустаревающие! Кроме академика Лернера, этим проектом занимаются в Солк-Лейк Сит (мормонский штат Юта), где разрешено двоеженство, и встала

проблема механического сердца. Оно сможет снабжать организм кислородом в 400 раз больше, чем нормальное сердце. Но Лернер не собирается улучшать правый желудочек - только левый! Я тоже считаю, что можно обойтись левым желудочком! Вообще даже не надо никаких желудочков! Я бы оставил весь титан в сковородочках, чтобы не мешать людям думать о смысле жизни. И у меня в животе нет места для такой турбины, хоть последнее время я заметно растолстел. Пусть подсаживают ее Тушинскому! Пусть подсаживают ее министру Шарону, чтобы он мог выстаивать по три очереди за бесплатными баклажанами!

Тушинский меня торопит: мы переходим в следующую лабораторию по расшифровке тайн мозга!

АМЕРИКАНЦЫ

Дворник Коля оставил мне метлу, но я не стал мести, чтобы не нарываться на скандал со Стюартом. В Реховоте дворники метут парами, вместе с Колей метет главный инженер из Керчи. Он умеет лечить руками - экстрасенс! Экстрасенсы идут сегодня с тележкой по теневой стороне, и Стюарт бежит за ними взад-вперед по тротуару и озабоченно кривится. Прохожие спрашивают "для кого снимаем", но Коля им объяснил, что они с напарником выиграли конкурс на звание лучшего капиталистического дворника! У главного инженера брат - театровед, специалист по Булгакову. Скоро приедет в гости - у него очень полезная специальность для Израиля. Я пока встретил единственного человека, который идеально устроился в Израиле, - это бригадир дворников из Вильнюса, который работает в Афуле простым дворником! Точное попадание.

Стюарт поднял меня в четыре часа утра, и я чувствую себя вялым. Еда в Ариэле безобразная. Стюарт уже час пилит меня за то, что, пока он спал, я привез его в Ариэль не по той дороге. Я даю себе слово никогда его больше не прощать. Хорошо бы выйти, хлопнув дверью, уже в последний день, когда получены все деньги. Американцы все омерзительны. За руль садиться он не хочет ни на секунду, потому что деньги платит он! Опять сегодня были длинные объяснения, кто кому должен шекель. Я отдал ему чек на тринадцать и доплатил семь, то есть получается двадцать, а он мне вернул четыре, но такси стоило на самом деле не пять по чеку, который я ему дал, а семь с половиной, или наоборот, не семь с половиной, а пять, и куда-то исчез шекель. Мы говорим об этом, пока меня не начинает тошнить. Если это лучший фотограф Америки, то каковы же тогда нелучшие? Шекель - это одна двухсотпятидесятая часть моей ежедневной зарплаты, это очень короткая доля зарплаты. Я не хочу слышать ни о каком шекеле, но Стюарт хочет точности. Я изнемогаю от разговоров, сколько денег Америка и их паршивый Буш передали Израилю, без которых не было бы армии, и сливочного маргарина "Тнува", и этих вагончиков с босоногими Лолитками, от которых у меня заходило сердце. Я начинаю понимать, что от отвращения к американцам может случиться инфаркт. Я считаю минуты, когда

Тушинский вернется из Каира, и я смогу работать только с ним, все-таки он в прошлом был поляком. Еще я могу добавить, что американцы - черствые, мелочные, слабые, поверхностные, тщеславные, трусливые, коварные, жадные и завистливые. Генриетта - бабушка гениального семилетнего пианиста Бори - сказала мне, что американцы - милые, но это неправда. Они активно немилые! Не ходите замуж за американцев, они хуже Зустермана и Щаранского!

Я вышел из машины и выкрикнул в ариэльский воздух все, что я думаю об этой паршивой нации, потом вылил на голову два литра холодной воды, снова сел за руль и поехал дальше зарабатывать американские деньги.

БЕЭР-ШЕВА

Симпозиум по энергетике. В зале сидят русские, американцы, израильтяне. Тушинский много слышал о профессоре Брановере, который давно задумал и организовал эту конференцию. Брановер - международная звезда. Тушинский собирается упомянуть его в "Волд энд Лайф". У меня в руках книга под редакцией профессора Германа Брановера "Кто еврей?", мы рассматриваем ее с Тушинским, "...нас должна интересовать не только судьба прозелитов, но и - как неизбежный результат наших успехов, - проблема, как ОНИ ВСЕ ПОТОМ СМОГУТ нас оставить" (Издательство - Шамир, Иерусалим).

В этой книге много интересного: профессор Брановер сообщает, читателю, что Моисей не имеет генетического отношения к евреям и его потомки давно покинули народ. В Библии об этом ничего нет. Но меня это успокаивает: я не хочу иметь генетического отношения к "издательству Шамир" и к его авторам, я предпочитаю Моисея.

"...если принять творческий потенциал еврея за тысячу, то потенциал армян, белых, японцев, соответственно, 100: 10:1". "Не может быть, - говорит Тушинский, - покажи мне слово "японцев". Он медленно, по складам, читает.

"...женясь или выходя замуж за нееврея, вы автоматически уменьшаете творческий потенциал своих детей в два раза: $(1000+10):2=505$ ". Не принимайте это лично, - успокаиваю я Тушинского. У Тушинского двое детей от ирландки. "Кто еврей?" - это замечательная книга! Но меня интересует другое: если конференция, которую устраивает профессор Брановер, происходит на равных условиях, то, чтобы уравновесить самого беэр-шевского профессора, понадобится десять армянских профессоров! Сто русских профессоров из Японии! И, если столько вообще наберется, тысяча полных профессоров из Японии! Евреев в конференцзале сидит около сорока человек: хорошо бы еще этот симпозиум происходил в Барнауле или в Москве, но привозить в Негев четыре тысячи русских физиков - это вы меня извините! И сорок тысяч бестолковых японцев - это ровно четыре дивизии! А чем их кормить?! Куда их расселять?! Хватит того, что японцы наводнили страну своими недоброкачественными машинами! Конечно, ученым виднее, но мне кажется, что состав энергетической конференции нужно еще продумать!

ПУТЕВОЙ ДНЕВНИК

...Повернув за Кирьят-Малахи, проехали кладбище, над которым очень грустная надпись - "Региональное кладбище". Циничное, безысходное название. Жизнь безнадежна. Она заканчивается кладбищем на прямой линии между Ашдодом и Бейт-Шемешем...

...Тушинский считает, что я прошел с ними несколько академий журналистики. Я бы очень не хотел учиться в такой академии, я представляю, что это за гадюшник...

...Музыкантов больше, чем аудитории. Также врачей больше, чем больных; и если врачей держат на 1/16 ставки, то как быть с музыкантами? Тоже играть на 1/16 и слушать на 1/16, или слушать друг друга еще на 1/8? Может быть, мы вообще являемся выставкой себя для себя. Туш придумал идиллическую картину, что во время перемены в ульпане играют русские скрипачи, а остальные русские сидят под вязом и буком и читают "Волд энд Лайф".

Тверия - на аккордеоне играет московский учитель. Плотными заводскими пальцами играет Бернеса. Сыграл мне "там за Нарвской заставой" и пожаловался на жизнь. Кучка наглых привязчивых школьников начала его дразнить и сломала ногами футляр от аккордеона. Я объяснил Бернесу, что они безобидные надоедливые обезьянки, и пока они не вырастают, на них сердиться не нужно...

...Тверия - город отутюженных рубашек болезненной провинциальной белизны: Тушинский злится, что вместо гостиницы мы попали во вьетнамский госпиталь для инвалидов войны. Стюарт и Тушинский - оба - очень недовольны израильским сервисом, они не любят шумных детей и инвалидов в колясках. Вечером, чтобы не оставаться одному в гостиничном номере, я иду слушать аккордеониста. Ночной сексуальной активности в городе нет. Тушинский говорит, что если бы он был проституткой, то последнее место для работы, которое бы он выбрал, - это Тверия... ...Лагерь военной полиции. Люди в непонятной полевой форме разговаривают по-русски: то ли туркестанский округ, то ли спецназ, то ли наемники. Люди в такой форме не могут говорить по-русски. Все маршируют. В прошлой жизни недомаршировали. В воздухе висит мат, поэтому головой понимаешь, что попал в нужное место. Сегодня идет распределение по тюрьмам. Пять минут перерыва. Все пьют воду и матерятся. Бл..., бл..., я чувствую, что я дома, что я в Орле. Стюарт снимает двух аргентинцев-портеньос, принимая их за новых советских эмигрантов. Я шепчу об этом Тушинскому, но он затыкает мне рот. Говорит: "Молчи, пусть снимает. Никому не помешают восемьдесят лишних фотографий аргентинцев, не надо усложнять себе жизнь!" В штабном туалете нет надписей. Это первый армейский туалет без надписей, который я вижу в своей жизни, скоро начнут писать по-русски...

....Я шагаю пешком по арабской дороге. Я все-таки вышел из машины и хлопнул дверью. Я нанес Стюарту самое смертельное оскорбление, которое можно нанести американцу - я усомнился в его объективности. Ответный крик я

вынести не смог. По сторонам виднеются небольшие арабские деревни, навстречу громяхают грузовики с синими арабскими номерами, а я иду пешком, как пионер из стихотворения Сергея Михалкова, и умираю от стыда перед новыми эмигрантами. Из-за бесконечной гордыни я отказался от американской зарплаты! Я мог зарабатывать эти двести пятьдесят шекелей в день, терпеть, а деньги раздавать голодным старушкам. Какая драматическая развязка. Тушинский еще неделю в Египте, еще неделю я без работы. Что выше: честь или доллары?! Все существо мое подсказывало мне, что доллары выше...

...Форель разводят в ручье прямо под рыбным рестораном. Парочка водяных пауков бежит по воде против течения. Бродский сумел бы сказать об этих пауках шестьсот слов, а не только упомянуть, что они бегут в сторону Иордании. Сажу на деревянных мостках и, как дорогая шлюха перед приемом, учу наизусть специальные выражения про ДНК и РНК. Сейчас переведу интервью и постараюсь моментально все выражения забыть...

...Тушинский вдруг заговорил с милой секретаршей по-польски и оказался нормальным пшикающим поляком. Он старается никогда ни с кем не говорить по-польски, даже с олим из Литвы и Западной Украины. Он ставит себе барьер: для статьи в "Волд энд Лайф" о русских эмигрантах ему не нужно знать лишней правды. Даже по-португальски Тушинский заговаривает охотнее...

ЦЭ УШКИ

Мы - в номерах "Хилтона". У нас с Тушинским - соседние балконы. Я считаю высотные здания: "Карлтон", "Мория", кроме них с балкона видно еще четырнадцать. Если поднять ладонь на расстояние 10 сантиметров от глаз, то никакого Тель-Авива на свете нет. Если ладонь чуть отвести, то появляется Яффо. Так можно определить размер Тель-Авива: нужно знать размер ладони и какую-то формулу из школьной геометрии, которую я забыл. Городская "Марина" - на двести яхт: коль суждено родиться на белом свете, то лучше жить "в провинции у моря". Только очень скучно, но, наверное, можно привыкнуть. Из номера я могу бесплатно позвонить в Союз, но совершенно некому. Съели авокадо - 7,5 доллара порция с лимоном. Это самое дорогое авокадо, которое я ел в своей жизни. Тушинский берет сандвич за четырнадцать долларов и пиво за семь, а я пью апельсиновый сок - может быть, ночью мне придется гнать машину в Иерусалим. Я говорю Тушинскому, что прекрасно понимаю, что он увеличит мне зарплату, если я больше ни одним словечком не упомяну об эмигрантах, - он с мольбой на меня смотрит. Тушинскому надоели русские. Три ведущих шахматистки - "нет", газета "Время" - тоже "нет", харьковский физик - "нет", он даже не хочет слышать названия этого города. Мы доходим до точки, когда даже таинственное слово "Магнитогорск" перестает будоражить Тушинского. Утром Тушинского возили к премьер-министру, но он жалуется, что разговор был средним. Но секретарша - восхитительной красоты. Самая красивая женщина, которую он видел в Израиле, а Тушинскому можно верить.

Заказываем столик в русском ресторане и вяло обсуждаем Шарона и Шамира. Туш говорит, что Шарон - толстый, болтливый хам, но совершенно человеческого вида. А Шамир - жуткий партийный функционер. Впрочем, как глава правительства, Шамир безопаснее. Он сам с собой уже давно не может вступить в контакт. Он - Черненко! Зал вокруг нас абсолютно пуст. Говорят, что вчера было сорок пять человек, но сегодня Тель-Авив вообще пуст, как Рамалла. Туш заказывает холодный борщ и два пирожка за десять копеек с мясом. Пирожки - подозрительные, но пельмени - отличные! Гена со станции Удельная приносит к ним датское масло и сметану. Жалко, нет уксуса. Тушинский считает, что в Израиле плохое экономическое положение, потому что много едят. Я показываю ему рукой на пустой зал: Тушинский по инерции ищет советских эмигрантов, но в русском ресторане, на его счастье, русских нет. Крутится пластинка с бразильской песенкой на иврите. Хорошо бы в этот зал привести всех, кого мы встретили за полгода работы. И всех накормить пельменями. Профессор Брановер кошерные пельмени есть со мной не станет, потому что я, по его сетке, "еврей 505". И Бродский, конечно, из-за пельменей из Вашингтона не потащится. А всех остальных я начинаю мысленно включать в свой список. Туш внимательно осматривает содержимое моей тарелки и говорит недоверчиво: "Цэ ж ушки!" "Если увидишь официанта Гену, попроси, пожалуйста, счет, - грустно добавляет он, - или, может быть, Гена стоит в очереди в супермаркете за уксусом для твоих "ушек"?"

Гена исчез. Оркестр тоже еще не играет. Оркестранты бесцельно слоняются по залу. Просто мы слишком рано пришли. Мы еще вернемся с Тушем в следующем январе! Мне больно, что Тушинский уезжает: у него было еще столько интересных идей! Я хотел подбросить институту Вайцмана несколько оригинальных проектов из титана, а Тушинский обещал устроить театру "Гешер" зимние гастроли в Нью-Йорке! Но вице-президент института Вайцмана улетел за границу, а эти придурки из театра просто не явились к нам на встречу. Еще я собирался переселить всех олим в сектор Газа! Поздно. Новых олим почти нет, аэропорт пуст. Стюарт может снимать только пустую посадочную полосу. Печальный Зустерман доедает девятисотый бутерброд с туной, мне жаль с ними расставаться. Тушинскому осталось два часа восемнадцать минут до конца командировки в Израиль - сейчас я посажу его в самолет до Нью-Йорка и вернусь в Иерусалим на рейсовом автобусе. Мне нужно заканчивать пьесу по иудейской истории, которую я напряженно писал в январе, но пельмени, Тушинский, ритуальные операции, нимфетки, Стюарт - все продолжают крутиться у меня в голове. Я продолжаю помнить, что пьеса моей жизни была на исторические темы, но я катастрофически не могу вспомнить о ком.